

Денестки Белладонны

Ее любовь
отравляет

18+

Джулия Вольмут

Джулия Вольмут
Лепестки Белладонны
Серия «Обжигающая любовь».
Романы Джулии Вольмут»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69748099

*Лепестки Белладонны:
ISBN 978-5-04-192750-9*

Аннотация

Эльмира Кассиль привыкла быть в центре внимания. Выступая на сцене в ярких лучах софитов, она становится дерзкой Белладонной. И, как ядовитый цветок, сводит мужчин с ума. Свое сердце, как ей кажется, она давно закрыла на замок.

Все меняет лицо, мелькнувшее среди зрителей. Его лицо. Боксер Джек Льюис – детская влюбленность Миры, со временем переросшая в страстную одержимость, которую она всеми силами пыталась забыть. А теперь Белладонна пойдет на все, чтобы заполучить Джека. И эти неправильные чувства могут уничтожить их обоих.

Но ее планы путает красавчик-рокер Ханс Биттнер...

Содержание

Пролог	5
Лос-Анджелес	9
Плейлист	9
Глава 1	10
Глава 2	35
Глава 3	53
Глава 4	77
Глава 5	112
Глава 6	135
Конец ознакомительного фрагмента.	148

Джулия Вольмут

Лепестки Белладонны

© Вольмут Д., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Пролог

*Все меняется, и мы не исключение.
Но ты просишь меня:
«Может, мы сыграем в другую игру?»*

© *Monoir & Eneli, 3 to 1*¹

Бандит моргал, но видел темноту. «Ослеп?» Запаниковать он не успел – яркий свет резанул по глазам. Привыкнув к освещению, Бандит осмотрелся: бетонные стены и пол. На потолке раскачивалась лампочка без абажура, противным желтым отблеском она создавала тень на металлическом столе. Бандит, ерзая на стуле, дернулся: левое запястье было прочно приковано наручниками к ножке стола. Стул напротив пустовал. «Похоже на комнату для допросов», – решил Бандит. Догадка укрепилась благодаря зеркалу во всю стену – оно могло оказаться стеклом.

За ним наблюдают? «Пусть объяснят, что происходит!»

¹ Полный список упоминаемых в тексте произведений и их авторов можно найти в конце романа.

Бандит с вызовом глянул в зеркало – и ужаснулся. Что с ним стало? Когда-то мужчина в отражении покорял сердца миллионов. А сейчас... темные волосы липнут ко лбу, щетина покрывает впалые скулы, губы потрескались. Он с отвращением отвернулся. Пахнет хлоркой и чем-то знакомым.

Стальная дверь открылась. Точно, пахнет духами – гурманский аромат с кофейными нотами. Бандит увидел девушку: она аккуратно переступила порог. На вид брюнетке чуть за двадцать, а значит, она младше Бандита. И не только младше, но и ниже – без каблуков едва достанет ему до плеча.

Стрижка каре, миловидные черты лица, худоба – все в ней до боли, до дрожи ему знакомо. Он рассмотрел ее слегка вздернутый нос, губы в бордовой помаде и хитрые серые глаза. «Куколка, ты меня освободишь?» – понадеялся Бандит. Но гостя не торопилась. С кошачьей грацией она поправила бретельку узкого черного платья и провела ладонью по сумочке.

Бандит разозлился и вновь дернулся – наручники больно впились в запястье. Она наряжалась для этой встречи? Тогда почему он выглядит так, будто вылез из трущоб?! Глянул на порванную рубашку и спросил:

– Что я здесь делаю?

Она неторопливо подошла, ее каблуки эхом отзывались в напряженном молчании, села на свободный стул и положила на стол сумочку: маленькую, кожаную, на серебряной цепи вместо ремешка.

Брюнетка сказала:

– Поиграй со мной, любимый, – и достала револьвер.

Бандит хмыкнул. «В таких сумочках можно спрятать что угодно», – вспомнил он стереотип из фильмов. Девушки из кинолент прячут флакон духов или пачку тонких сигарет. Но она... она не обычная девушка.

Гостья заправила прядь волос за ухо, открывая взору несколько сережек на мочке, и подтолкнула револьвер к Бандиту. Брюнетка захлопала ресницами, словно предлагала не в русскую рулетку играть, а выпить в баре. С неприятным звоном револьвер прокатился по столу, и Бандит поймал оружие свободной от наручников рукой. Металл охлаждал пальцы.

– Хочешь, чтобы я вышиб себе мозги? – В хриплом голосе не было страха, только усталость. Бандит отбросил оружие в направлении гостьи, почесал переносицу и выругался – зашипала свежая ссадина.

Собеседница, кажется, всерьез задумалась над его вопросом и кивнула:

– В таком случае я отстану от тебя.

Бандит громко цокнул языком:

– В таком случае, *любимая*, скажи, где пуля в этом барабане, и мы не потеряем много времени.

Брюнетка улыбнулась, но тут же приложила руку ко рту, словно по ее улыбке Бандит мог догадаться, каков исход игры. Серые глаза гостьи стали огромными, испуганными.

– Не могу, милый, не могу.

– Почему? Белладонна...

– Ох... – Она приблизилась, обволакивая его шлейфом духов. – Тогда ты будешь знать. И застрелишь меня.

Он не убийца. Но в тот момент, схватив револьвер, был готов много раз нажимать на спусковой крючок, целясь Белладонне в лоб.

Жаль, она поняла это первой.

Лос-Анджелес

Плейлист

Ava Max – Belladonna

UFO – Belladonna

Elvira T – «Лучше»

Elvira T – «Я полюбила бандита»

Marina Kaye – Twisted

Marina Kaye – Double Life

Marina Kaye – Dancing With The Devil

Depeche Mode – Surrender

Mirèle feat. Myth Syzer – «Пишу и стираю»

SOIYA – «Отпускай»

Tokio Hotel – Bad love

Глава 1

*Милая, как цветок, но только в начале.
Все не так, как кажется.
Ты будешь выкрикивать мое имя,
Проклиная за то, что подобралась
так близко.*

© *Ava Max, Belladonna*

Как поступают лучшие-в-мире-отцы? С сыновьями они запускают бумажных змеев, обсуждают спортивные передачи, ремонтируют автомобили. Лучшие-в-мире-отцы готовы пожертвовать просмотром бейсбольной игры ради мечты своего ребенка.

Джек Льюис стремился быть лучшим отцом, поэтому вместо вечера на диване выбрал рок-концерт. В машине Джек по десятому кругу слушал оды любви тринадцатилетнего Джонни к певице Белладонне.

Сын рассказывал: она немка, ей двадцать три, живет в Берлине, музыкальную карьеру начала пару лет назад, о личной жизни умалчивает. Поет поп-рок, пронизанный бунтарским духом.

Разумеется, лучшему-в-мире-отцу хотелось, чтобы сын играл на скрипке, занимался американским футболом и поступил в Гарвард. Но Джек любил рок-музыку, поэтому сде-

лал вывод: ничего страшного, если сын помечтает о юной звезде. Это подростковое, обязательно пройдет. И когда Белладонна объявила тур по Америке, Джонни за хорошие оценки получил билет, а Джек зарекся сопровождать сына на выступление. Совместно с женой Элизабет они решили: пусть ребенок будет под присмотром, ведь упрямство и тяга к приключениям у Джонни в генах.

– Почему девочка назвалась Белладонной? – спросил Джек, припарковав автомобиль на стоянке клуба.

Отец и сын выбрались из салона. Джек приподнял воротник толстовки. Он давно не выезжал из пригорода, поэтому не различал улицы Западного Голливуда. Все они были одинаково шумными и яркими.

– Не знаю, – дернул плечами Джонни. – Цветок такой есть, он мужчин с ума сводит, – нетерпеливо бросил сын, наблюдая, как Джек ставит машину на сигнализацию и надевает кепку, пригладив темные волосы. – Зачем тебе кепка? – не понял Джонни, взмахнув темными кудряшками.

– Старая привычка. – Льюис-старший смутился.

Он долго подбирал оправдание мнительности, смотря на сына, свою юную копию: скулы впалые, нос прямой... у Джонни прямой, а у Джека *был* прямой, пока нос ему не сломали, кажется, дюжину раз. Когда Джеку было тринадцать, у него росла щетина, которая сейчас, в тридцать восемь, трансформировалась в аккуратную бороду; у Джонни щеки идеально гладкие. Но главное отличие: у сына другие

глаза – карие, как у матери, и доверчиво-распахнутые. Глаза Джека зеленые, с хитрым прищуром.

– Идем, – проворчал он. – Увидишь скоро Белладонну.

Повторять не пришлось: сын пружинистой походкой направился в клуб. Все, чего хотел Джек в тот вечер, – оберегать Джонни.

Но у судьбы были совсем другие планы.

Охрана проверила билеты, и Льюисы оказались в клубе. При свете первый этаж напоминал огромную картонную коробку, заполненную людьми, – преимущественно подростками. На стенах висели плакаты рок-групп, справа от входа Джек увидел раздевалку, слева – бар. Льюис-старший поднял голову: над потолком висели колонки и внушительные прожекторы.

Взрослый, коренастый, бородатый Джек смотрелся странно на фоне школьников и студентов. Ему хотелось скрыться от толпы и потащить сына в уютную ВИП-ложу, хотя он прекрасно знал, что в возрасте Джонни сам выбрал бы танцпол. Энергетика живого выступления бесценна! Поэтому Джеку оставалось надеяться, что с щупленьким подростком не слу-

чится беда. Ему-то со спортивной фигурой давка у сцены никогда не была страшна.

– Я буду наверху, в ВИП-ложе. – Джек отвел сына в сторону и указал на балкон. – Не подходи близко к сцене, тебя затопчут, и не подходи к бару, – Льюис показал пальцем на место, где будет сидеть, – я слежу за тобой.

– Па-а-ап, – протянул Джонни. – Я понял, окей?

– Окей. – Льюис подавил желание обнять сына. Раньше они всегда обнимались. Раньше... Джек не заметил, как сын стал подростком, которому нужно много личного пространства. – Увидимся после выступления, – сказал Джек и направился в сторону лестницы.

Балкон, освещенный лампочками на полу и неоновой подсветкой у бара, гораздо просторнее первого этажа – зрительские места на диванах, никакой толпы и давки. Джек подошел к краю балкона, вновь оглядел толпу и без труда нашел кудрявую макушку Джонни. Сын занял место в пятом ряду и разговаривал с рыженькой девочкой-подростком. «Отлично, компания сверстников». Джек поправил кепку и, оттолкнувшись от перил, огляделся: по периметру расставлены диваны с черной обивкой, а в глубине балкона только бар, за которым несколько человек пили коктейли. Диван Джека оказался ближе остальных к перилам и, соответственно, к сцене. На соседних местах никого не было.

Окончательно расслабившись, Льюис подавил желание взять виски с колой. «Ты за рулем!» – отчитал себя и огра-

ничился колой. Бармен выполнил заказ, и Джек вернулся к своему месту до начала выступления. Развалившись на диване, Льюис закинул ноги на столик и шутливо сказал:

– Развлекай меня, Белладонна.

Свет погас, зрители замолчали. Джек остро ощутил панику. словно молотом по голове, пришло осознание: он отпустил сына в толпу беснующихся подростков. Вдруг с Джонни что-то случится?! Льюис вскочил и перегнулся через балкон, чтобы разыскать глазами сына. Как там Джонни? Не испугался? Тишину заполнил грохот битов. Следом гитара. Барабаны.

– Дядя, сядь! – крикнули с дальнего ряда. – Не видно ни хрена!

Джек медленно опустился на диван. «Дядя». Он и забыл, охваченный тревогой, что давно взрослый дядя. Главное – он отец подростка, которому не нужен позор и испорченное настроение. «Джонни – смывленный мальчик, – убеждал себя Джек, дергая пальцами козырек кепки, – и в компании сверстников. Я должен дать ему свободу, я обязан понять – мой сын взрослеет». Эта мантра помогла переключиться. Раз

он тоже пришел на концерт, в его планах хорошо провести вечер.

Софиты замелькали по пустой сцене, из-за кулис вышла Белладонна. Визг фанатов звучал прекрасным аккомпанементом к ее звонкому голосу:

– Привет, Лос-Анджелес!

Джек вытянул шею, чтобы разглядеть блондинку.

Белладонна, маленький ураган, носилась по сцене и пела о наивной девушке, которая впервые пришла в клуб. Возможно, и она была такой? Из-за немецкого акцента певица выговаривала слова четко, будто отбивала каждым слогом барабанную дробь, а ноты звучали кристально чисто; если бы не обращения к толпе и сбитое от танцев дыхание, Джек бы решил, что она поет под фонограмму. «Профессионал! – думал Льюис. – Педантичная и дисциплинированная немка – как полагается по стереотипам».

Экраны представили артистку в полный рост. Она была значительно ниже двух танцовщиц, но сияла так, что сразу становилось понятно: концертом правит Белладонна.

Платье, темно-синее, как вода ночью в озере, едва доставало певице до острых коленей, на ногах армейские ботинки, а руки украшены татуировками. Джек прищурился: рассмотреть лицо оказалось непросто – Белладонна ни секунды не могла устоять на месте! Благодаря плакатам в комнате Джонни Льюис знал – у Белладонны красивое лицо: аккуратный нос, губы без явного изгиба и слегка раскосые по азиат-

скому типу серые глаза. На фотографиях певица всегда ярко накрашена и потому казалась неестественной куклой. Красивой, но пустой. Джеку хотелось рассмотреть Белладонну, убедиться, что она реальна. И это удалось, когда экран успел поймать ее счастливое лицо. Но и сегодня Белладонна предпочла скрыть личико под макияжем: синие тени с блестками, помада в тон. Явно вдохновлялась Дэвидом Боуи ².

Юная, дерзкая – так бы Джек описал Белладонну. И хорошенькая. Джек понимал: певица очаровательна, но она не Лиззи. Тем не менее Джек понял помешательство сына. Харизма, талант и миловидная внешность – адский коктейль. На сцене Белладонна смотрелась органично. Есть артисты, которые излучают магию и становятся кумирами. Белладонна определенно в их числе.

На что еще она способна?

Прожектор сменил траекторию, ослепив зрителей балкона. Джек выругался и прикрыл глаза ладонью, прячась от неприятного белого света. Несколько секунд он ничего не видел. Дезориентация. Темнота.

Белладонна молчала. «И часто она забывает тексты собственных песен?» – изумился Джек. Толпа подхватила и спела куплет за артистку. Когда балкон вновь погрузился в приятный глазам полумрак, а Джек смог без боли смотреть на сцену, Белладонна идеально тянула припев.

– Что исполним дальше? – спросила она у фанатов. –

² Британский музыкант.

«Бандит»?

Поклонники поддержали ее визгом, и Джек пришел к выводу, что фанаты обожают эту песню. Ему же было абсолютно плевать на репертуар. Он ругал управляющего светом, а допив напиток, вновь направился к бару. Джек взял еще колы, вернулся на диванчик и залез в телефон, чтобы проверить счет пропущенного бейсбольного матча.

Льюис не сразу обратил внимание, что Белладонна стала петь близко: *«О, мой Бандит, почему ты меня разлюбил?»* Слишком. Близко.

Джек поднял глаза, его зеленые встретились с ее серыми. Густо-накрашенными. Глазами любимой певицы его сына.

– Развлечемся, Бандит? – спросила Белладонна в микрофон и направила на Джека кислотно-оранжевый водяной пистолет. Вероятно, реквизит к песне «Бандит». Нажала – и пара капель воды украсили толстовку.

«Какого черта?» – успел подумать Джек, перед тем как произошло непоправимое. То, что впоследствии изменило его спокойную жизнь. Но в тот момент происходящее казалось забавной выходкой.

– Хорошо. – Он ухмыльнулся, взял бокал колы, отсалютовал.

Дал «зеленый свет» безумию. Позволил ситуации обрести опасный оборот, а его самого затащить на аттракцион «Белладонна».

Пристегни ремни, Джек Льюис, ты купил билет в персо-

нальный ад.

Она танцевала. Исполняла песню. Играла роль.

Но он-то... Он! Ему это зачем? Джек не мог понять. Сидел на диване и наблюдал за Белладонной. Актриса ее личной постановки под названием «Девушка Бандита». Он был реквизитом. *Бандитом*. Джек, загипнотизированный сладким голосом и томными движениями, следил за тем, как она исповедовалась: *«Я полюбила Бандита, выбрала не того парня...»*

– *Тебя*, – прошептала она в микрофон, наклонившись к его лицу. Джек не успел понять, когда произошло следующее: она обвила голыми ногами его бедра, словно лиана, – он чувствовал жар ее тела через джинсы. Было ли слово «тебя» в песне? Он не знал. Попытался отстраниться, но Белладонна сильнее прижалась, проводя водяным пистолетом по его торсу, ниже, к ширинке. – *«Почему ты меня разлюбил? О, мой Бандит...»* – Он забыл, как дышать, пока она, положив пистолет на его пах, свободной рукой забирала бокал – Льюис обрадовался, руки дрожали, бокал норовил вот-вот упасть. – *«Бандит»*. – Белладонна резко встала, поставила

бокал на стол, взяла водяной пистолет и прислонила к лицу Джека: мокрый пластик царапнул кожу. – «Бандит», – пела и опускала пистолет ниже... ниже...

– Хватит, – вырвалось у Джека.

Он очнулся. Перестал быть реквизитом и осознал: происходит чертов концерт! Где. Собралась. Толпа. И. Где-то там. Джонни!

– Хватит, – повторил Джек громче.

Его голос потерялся в шуме битов и ее словах:

– «Почему ты меня разлюбил?» – Обиженно, кокетливо.

Джек не мог дышать, окутанный ее ароматом, ее энергетикой. Был ли он собой? Или стал Бандитом?

– «Ты разбил мне сердце...»

Песня оборвалась, выкинув Джека из транса. По его вискам катился пот. Белладонна кинула пистолет на столик – грохот окончательно рассеял дымку. Немецкая рок-звезда стояла перед ним румяная, довольная. И, развернувшись, она покинула ВИП-ложу под аплодисменты зрителей.

Восстановить дыхание Джек смог только к концу следующего трека.

– Пап, я хочу ее увидеть!

Джек повернул голову. Концерт закончился, и балкон опустел. Перед Джеком стоял Джонни: футболка потемнела от пота, кудряшки взъерошены, карие глаза блестят.

– Ты сказал, – запыхавшись, сын делал глубокий вдох после каждого слова, – прийти... к тебе... сразу... как... кончится... концерт.

– Да, – на автопилоте кивнул Джек. Он по-прежнему находился во власти танца и не мог понять – не привиделось ли ему?

– Она была здесь! – Отдышавшись, Джонни начал говорить более связно, но его голос то и дело тонул в криках фанатов. – Танцевала с тобой! – Подтверждая самые страшные опасения, он стиснул липкими пальцами ладонь отца. – Белладонна раздает автографы, я хочу пойти вниз. Пойдем вместе, если она увидит тебя...

– Нет! – Джек изумился, как звучало его «нет». Строго, твердо, тревожно. – Нет, – повторил Льюис тише, – я туда не пойду.

Ему стыдно? Ей должно быть стыдно. Но привлекать внимание к своей персоне Джек не хотел. Он снял кепку, зачесал волосы назад и вновь надел головной убор. Льюису хотелось убраться отсюда: сесть с Джонни в автомобиль и уехать домой. Повышенное внимание отзывалось в груди колющими вибрациями – воспоминания о когда-то успешной карьере. «Которую ты оставил добровольно», – напомнил он. Сожа-

лений не было восемь лет, пусть так и остается.

Но мечтам уехать домой не суждено было сбыться. Джонни включил жалобный взгляд, на который способны все дети, чтобы заставить родителей покупать дорогие игрушки, отпускать на вечеринки и в данном случае получить автограф любимой певицы. Джек качнул головой, собираясь с мыслями. Должен быть другой путь.

– Ты хочешь спуститься, чтобы увидеть ее? – уточнил Джек.

Он встал у перил балкона, оценивая обстановку внизу: поклонники кольцом окружили Белладонну. С высоты Джек разглядел ее светлую макушку, а когда охранники оттеснили толпу, заметил улыбку на миловидном личике. Пальцы артистки держали маркер, она расписывалась на дисках, плакатах, руках – людей не становилось меньше.

– Конечно, хочу! – ответил Джонни. Он тоже подошел к перилам. – Вдруг это мой единственный шанс? Пап, – Джонни сдул со лба непослушную челку, – встретимся на улице, ладно? Или посиди у бара. – Он кивнул в сторону подсвеченной неонов барной стойке. – Я быстро!

– Стой. – Джек придержал сына за руку.

Джонни удивленно посмотрел на отца, но тот знал, что делать. С невысоким ростом и скромным характером максимум, что получит Джонни – пару ударов по ребрам от напористых фанатов и, если повезет, мимолетный взгляд Белладонны. Такой участи сыну он не хотел.

– Идем к бару. – Джек изящно для его коренастой фигуры лавировал между диванами и столиками, направляясь к цели.

Джонни бросил взгляд на взволнованную толпу и последовал за Льюисом-старшим. То, что сын послушался, хотя наверняка не понимал идею отца, вызывало у Джека гордость и умиление.

– Мне можно сегодня попробовать пиво? – Плюхнувшись на барный стул, Джонни с надеждой посмотрел на Джека. Тот, разместившись на соседнем стуле, жестом звал бармена.

В ответ Джек хрипло рассмеялся и заказал две колы со льдом.

– Я за рулем, а тебе тринадцать, – напомнил он.

Отец и сын сидели молча под аккомпанемент приглушенной музыки из колонок над баром и визжащей толпы внизу. «Белладонна! Белладонна!» – выкрикивали с разных сторон, и Джонни вздрагивал, нервно тыкая в кусочки льда соломинкой. Молодой бармен, выполнив заказ, залип в телефон. Других посетителей не было – зрители либо спустились к певнице, либо ушли домой. Джек пил колу и посылал сигнал в космос: «Давай, Белладонна, ты повеселилась сегодня. Мы заслужили твое внимание. Я заслужил».

Крики стихли, а зрители концерта наверняка разошлись. Джонни залпом выпил колу и принялся вертеть кудрявой головой в попытках рассмотреть, что происходит внизу. Если предположение Джека не сработает и Белладонна уйдет, сын

никогда его не простит...

– Мне «Пина коладу», но вместо ананасового сока – апельсиновый.

– Тогда это не «Пина колада».

– Прости?.. – Белладонна повернулась на голос Джека, явно не ожидая увидеть у бара «мужчину из ВИП-ложи», и «мужчина из ВИП-ложи» вдоволь наслаждался ее растерянностью.

Интересно, она вспомнила его? Ей стыдно за свое поведение?

– Я пью именно такую «Пина коладу». – Нет, не стыдно. Серые глаза похожи на холодную сталь, и смотрела Белладонна с вызовом. Может, до сих пор видит в нем «Бандита»? Джек не успел проанализировать ее взгляд, Белладонна отвернулась и кивнула телохранителям, которые, словно сторожевые псы, подались вперед. – Все в порядке.

Светлые волосы певица убрала в хвост, макияж на блестящем лице побледнел и местами смылся. Как и предполагал Джек, Белладонна пришла к бару сразу после общения с фанатами, даже в примерку не заглянула.

Бармен поставил на стойку неправильную «Пина коладу» и снова уткнулся в телефон. Свой мобильный достала и Белладонна. Она словно забыла о существовании Джека, а Джонни за спиной Льюиса и вовсе не увидела. Певица села на край барного стула и принялась листать ленту: ногти методично стучали по экрану.

– Это Джонни, мой сын, – решил действовать Джек. Он стащил со стула ошалевшего от восторга подростка. – Джонни – твой поклонник.

– Да? – Белладонна положила телефон на стойку и посмотрела на Джека. – А я думала, ты мой поклонник, – зубами она игриво прикусила трубочку от коктейля, – и пришел один.

Джек рассмеялся: ему понравилась кокетливая дерзость. Вероятно, девчонка со всеми так общалась. Рок-звездочка. И сейчас чертовски верно подметила: на диване он сидел один.

– Судя по тому, как ты выступала, Белладонна, я решил: ты моя поклонница, – в тон певице ответил Джек.

Ему удалось ее смутить. Глаза Белладонны приобрели оттенок дождевых капель, сверкнув в неоновой подсветке бара, а ее тонкие ноздри дернулись. Слова едва знакомого мужчины артистке явно не понравились. Джек и сам понял, что перегнул: может быть, она не вкладывала в танец пошлый подтекст? Скорее всего, она проделывала это и раньше – он не смотрел ее предыдущие концерты и отчего-то решил, что особенный.

Белладонна промолчала и перевела взгляд на застывшего Джонни. Вмиг изменилась: улыбка осветила ее личико. От увиденного Джек задержал дыхание: когда она улыбнулась искренне, то стала выглядеть намного симпатичнее. Искренность всех красит. Джек пристыдил себя: взрослый мужчина, а пытался задеть девчонку. Он хотел извиниться, но Белладонна забыла о его присутствии, переключившись на юного

поклонника.

Джек решил не портить момент – он попросил бармена повторить напиток и с умилением наблюдал за общением Белладонны и Джонни. Они болтали как старые друзья: обсудили любимые песни, пару гитарных партий и несколько клипов, потом артистка предложила Джонни сделать совместное селфи. Сначала Джек хотел сфотографировать их, но приказал себе не вмешиваться. Наслаждаясь холодной газировкой, Льюис гордился: как легко просчитал действия певицы! Она все-таки пришла. На миг сердце защемила ностальгия – пару раз и он так отдыхал у концертного бара...

– Ну, мне пора. – Белладонна крепко обняла Джонни.

– Ты классная! Ты очень-очень классная! И красивая! – выпалил Джонни, чем вновь вызвал у нее милейшую улыбку.

– Почему «Белладонна»? – вдруг спросил Джек.

Вопрос ошпарил горло. Ему-то какое дело, почему европейская Кортни Лав³ выбрала такой псевдоним? Кажется, в колу налили виски. Иначе откуда неуместное любопытство? Он же хотел быть тенью, и только.

Белладонна вздрогнула, словно Джек застал ее врасплох. Она стояла рядом с Джонни и сделала пару шагов в сторону Льюиса-старшего. Их глаза встретились, напоминая Джеку первое столкновение взглядами: там, на диванчиках. Джек поерзал на табурете. Он сидел, она стояла, но их лица оказа-

³ Американская актриса, рок-певица. Бывшая жена лидера группы Nirvana Курта Кобейна.

лись почти на одном уровне. Она низенькая... и худенькая... и юная.

– Я подумал, псевдоним в честь песни UFO, решил проверить догадку, – добавил Джек, щелкая пальцами. Мотив, как назло, вылетел из головы.

– Пап, кто слушает такое старье, – вздохнул Джонни, всем видом показывая – «старик» меня позорит. Джеку захотелось дать сыну подзатыльник: что за привычка лезть в чужие разговоры?

Белладонна усмехнулась и пропела:

– *«Белладонна никогда не знала боли»*⁴.

Мелодичный голос выкинул Джека из реальности. Цветок белладонна. Или морская сирена. Дурманит, чарует – хочется слушать ее вечно.

– Отличная песня, – сказала Белладонна и в пару глотков допила коктейль. – Мальчики, идем, – махнула она телохранителям. Двухметровые «мальчики» послушно направились к лестнице. – И да. – Белладонна вновь посмотрела на Джека. В ее улыбке мелькнуло что-то новое. Смущение? – Извини, если поставила в неловкое положение. Давно хотела совершить что-то безумное под «Бандита». Музыка меня полностью захватила, и я не понимала, что делаю.

– Весело, – ухмыльнувшись, ответил Джек. – Странно, но... забавно.

Он проводил певицу взглядом, а потом кивнул Джонни

⁴ UFO – Belladonna.

– им тоже пора уходить. Им обоим пора вырваться из чар Белладонны.

Осенний ветер щекотал волосы на затылке. Джек надел капюшон толстовки в попытках спрятаться от непогоды и застегнул куртку Джонни, хотя подросток отчаянно сопротивлялся. Джек снял автомобиль с сигнализации и сел в салон. Захлопнув дверцу, он потер ладонями лицо. Ну и приключение! Надо померить давление: у Джека давно не наблюдалось такого всплеска эмоций. В свои почти сорок он привык к спокойному существованию: маленький бизнес, спортзал, путешествия, воспитание детей. Концерты и общение с рок-звездами в расписание не входили.

– Классная, да? – Льюис-младший тоже залез в автомобиль и теперь пытался пристегнуться – от перевозбуждения руки его плохо слушались. – Офигенная, – не унимался Джонни. – Спасибо, пап! Эта идея с баром... – Джонни взвизгнул. – Я и не мечтал увидеть ее так близко!

Джек лишь усмехнулся. Завел двигатель и выехал с парковки.

– Да, с огоньком твоя Белладонна. Надо бы ей сбавить обо-

роты...

– Смотри, – Джонни полез в карман за телефоном, – видео уже есть на «Ютьюб»!

– Что? – Джек нахмурился и стиснул руль. – Ты смеешься?

– Не-а, – сын поиграл бровями – привычка, которую он перенял у Джека, – и включил видео.

Джек затормозил у магазина: он обещал Элизабет зайти за пончиками, но прежде чем покинуть автомобиль, посмотрел на экран. Когда Джонни нажал play, салон наполнился оглушительными визгами. Камера тряслась, свет тусклый, но происходящее можно разглядеть: Белладонна танцевала у Джека на коленях. И, черт побери, со стороны это выглядело еще непристойнее, чем он думал. Отчетливо заметна разница в возрасте: он – широкоплечий, бородатый, волосы спадали на лицо, создавая загадочный и брутальный образ, и она – молоденькая, светленькая, худенькая.

Джека затрясло от злости.

– Кто выложил это?! – рявкнул он, и Джонни чуть не выронил телефон. – Нужно немедленно удалить!

– Пап, ты чего?

– Ничего. Что обо мне подумают? Я женат, а у меня на коленях танцует какая-то... певичка! – Больше всего Джека злило то, что он ее не остановил: он, взрослый и порядочный, позволил случиться безрассудству. Где были его мозги?! Видимо, ниже пояса.

– Пап, забей, – Джонни попытался разрядить обстанов-

ку, – никто не помнит, кем ты был раньше. Для всех сейчас ты... э... – Он полез в комментарии. – Бандит. Для всех ты Бандит из песни. *«Мой любимый Банди-и-и-т»*, – запел сын гнусавым голосом, отбивая ритм о край сиденья.

Джек мысленно выругался. Глубоко вздохнул. Джонни прав: карьера в прошлом, бояться за имидж – отголоски старой привычки. Все хорошо.

– Посиди тут, – Льюис потянулся к дверце, – я скоро.

На кассе пожилой продавец долго не мог настроить аппарат для оплаты, и Джек посмотрел на телевизор над кассой. В первую секунду Джек подумал, что словил галлюцинацию. Спустя восемь лет он снова видел на экране свое лицо: гладко выбритое, с меньшим количеством морщин. Волосы короче, губа разбита – это фото было сюрпризом от папарацци после боя «Льюис – Грант». Джек выиграл.

Звука не было, но на экране бежали, словно насмехаясь над Джеком, субтитры: *«Боец-Бандит – именно так теперь называют бывшего боксера и музыканта Джекса Льюиса. Мы не видели его на ринге более пяти лет, а сегодня он взорвал интернет вирусным видео...»*

– Я взорвал?! – прорычал Джек сквозь зубы.

Субтитры бежали дальше: *«С немецкой рок-звездой Белладонной он устроил горячий перформанс в клубе Лос-Анджелеса. Похоже, Льюису происходящее нравится»*.

Продавец настроил кассовый аппарат, но Джек молча положил пончики на прилавок и вышел из магазина. Он го-

тов был заорать: громко и нецензурно, но вместо этого задыхался холодным ночным воздухом, как его учил тренер – медленно, размеренно, считая до десяти. Не получалось. Сердце рвалось из груди, бежало галопом. Случилось то, чего он боялся, – старая жизнь догнала и пнула под зад. Джек стиснул ладони в кулаки. Господь, не дай совершить грех. Сейчас Джеку хотелось прибить девчонку.

– Едем домой.

– А пончики?

Джек не ответил. Он включил радио и поехал вдоль темной дороги.

Белладонна не виновата. Она не узнала Джека, она не могла его знать. Нелепая случайность. Гребаный прожектор, осветивший балкон. Для певицы, как сказал Джонни, Джек был Бандитом из песни, образом, эффектным номером на концерте. А у него теперь рушится спокойная жизнь.

– *«Мэри, как думаешь, что стало причиной того, что Джек Льюис вышел в люди? Поверить не могу, мы не слышали о нем восемь лет! Наверное, даже самые преданные поклонники забыли о существовании знаменитого боксера, а ведь когда-то он был королем ринга...»*

– Черт, – выругался Джек и потянулся к колесику магнитолы.

Но Джонни опередил отца и выкрутил колесико на максимум.

– Джонни Картер Льюис! – Когда Джек злился, то называл

сына полным именем, и Джонни понимал – лучше с отцом не спорить. Но сейчас сын впервые проигнорировал предупреждающий тон. Он шикнул на отца, внимательно слушая ведущих радиостанции.

– *«Давно мы не слышали о Джеке. Ходили слухи, что он уехал на Тибет или стал наркоманом. – Джек поморщился от услышанного, а ведущая продолжила: – Но нет, все прозаичнее. Джек выбрал семью, как миленькая домохозяйка. Он заявил, что завершает карьеру и уходит в бизнес...»*

– Джонни, выключи, пожалуйста, – взмолился Джек.

– *«Знаешь, что я думаю, Марк?»*

– Очередную херню, лживая сука, – прошипел Джек себе под нос.

– *«У Белладонны и Джека роман! Можно сколько угодно прикидываться добропорядочным семьянином, но, как говорится, из песни слов не выкинешь. До встречи с женой Льюис был ловеласом. Похоже, у Джека кризис среднего возраста. Надеемся, европейская рок-звезда укротит горячего спортсмена. О да, Марк, признай, он по-прежнему горяч! Надеемся, скоро узнаем большие информации. Включаем вам, дорогие слушатели, песню «Бандит». У композиции все шансы стать хитом!»*

Заиграли первые аккорды. Джек чудом не врезался в столб, атакованный воспоминаниями: он вновь почувствовал ее теплые руки на плечах. Действия Белладонны напористы, и все случилось, потому что Джек растерялся, как оша-

левший мальчишка. Он выключил радио, пока не заиграл ее голос. В салоне наступила тишина.

Как?! Как он мог такое допустить?! Ему было неловко в тот момент – да. Он хотел, чтобы она прекратила, – да. Остановил он ее? Нет.

Льюис посмотрел на сына, тот сиял – от улыбки вот-вот треснут щеки.

– Джонни, ты ведь понимаешь – это всего-то глупые сплетни? – осторожно спросил Джек. Если его сын думает, что роман Джека и Белладонны возможен, что говорить о стервятниках-журналистках?!

– Пап, – тихо ответил Джонни, – признай, было бы круто!

Льюис-старший истерически рассмеялся:

– Маме не понравятся твои выводы.

Элизабет не из тех, кто ревнует и верит прессе. Отношения Льюисов доверительные, долгие, они не пошатнутся от подобной чепухи. Но, представляя, что Лиз узнает о его необдуманном поступке, Джек вздрогнул.

– Ты мог бы попросить Белладонну встретиться с нами, – мечтал Джонни. – Мы бы пошли в кино, а потом отправили тебя за попкорном...

– О, дружок, прекрати. – Льюис скривился. – Для тебя она взрослая, а для меня юная. Закрыли тему. Завтра о сплетнях и не вспомнят...

– Не думаю, что *это* скоро забудется. – Джонни опять включил видео. – Полмиллиона просмотров! А прошло все-

го пару часов...

Джека заколотило. Он не собирался терпеть это дерьмо.

У Джонни день рождения, ему исполняется пять. В доме праздник, дети бегают, визжат, смеются. Среди них Джонни. Как его найти?

– Где ты, сынок? – спрашивает Джек, но вместо голоса – сдавленный хрип, и тот теряется в детских радостных криках.

Вокруг шарики, Джек натывается на один и шарахается в сторону – яркий цвет бьет по глазам. Джек ступает на ощупь в кухню.

Там Лиззи. Она накручивает на палец светлые волосы и болтает с соседкой – кажется, ее зовут Клэр.

Где Джонни?

– Где...

Джек не успевает договорить. Снова крики. Но теперь дети кричат не от радости, они испуганы. Бросились врассыпную. Мелькнули темные локоны Джонни.

– Сынок...

– Джек, что с тобой?!

Он снова не слышит своего голоса, но теперь из-за звонкого голоса жены. И смотрит она с испугом. Что случилось?

Джек оглядывается: детей не видно, спрятались, словно зверьки по норам. Кто-то выбежал в сад, кто-то притих за диваном. Клэр-или-не-Клэр пятится к столешнице, а Лиззи, напротив, подходит ближе. Она почти не дышит, ее грудь под тонкой кофточкой застыла, только веки быстро моргают. Она смахивает слезы?..

— Джек. — Лиз осеклась.

А он перестал видеть все словно со стороны. Он очнулся и понял, что произошло. Сегодня день рождения Джонни, ему исполняется пять. Сегодня Джек проиграл бой, и его лицо напоминает фарш. Сегодня он напился по этому печальному поводу. И понял: если продолжит в том же духе, никогда не станет лучшим-в-мире-отцом.

Глава 2

*Я милая, когда схожу с ума?
Эти скелеты в моем шкафу,
Я веду двойную жизнь.*

© *Marina Kaye, Double Life*

Сара и Грета кричали припев песни «Бандит». Их фальшивое пение звучало в унисон, отлетая от стен номера эхом, а танцы, несмотря на грацию и профессионализм, казались нелепыми. На ковер и свои футболки танцовщицы пролили фруктовое пиво; в воздухе пахло персиком. Из динамика телефона звучала запись с концерта: выступление Белладонны с таинственным незнакомцем.

Стараниями прессы выяснилось: незнакомец – это боксер Джек Льюис. Он был спортсменом и музыкантом. А восемь лет назад бросил все, пропал с радаров, вместо карьеры выбрал семейную жизнь: красавица-жена, дети – двое мальчишек, дом в спокойном районе, бизнес. Сара и Грета знали Джека только потому, что он был лицом Calvin Klein.

Танцовщицы называли «судьбой» то, что именно с Джеком Льюисом Белладонна исполнила выступление, взорвавшее социальные сети. И Саре, и Грете произошедшее казалось забавным совпадением. Но Эльмира Кассиль, она же Белладонна, знала: совпадений не бывает. Бывают шансы, которые

ми либо воспользуешься, либо нет.

– «О-о-о-о, мой Банд-и-и-т», – пела, вернее кричала, Сара в перерывах между глотками пива. Ее черные волосы подпрыгивали от резких движений.

– «Почем-у-у-у ты меня-я-я раз-л-ю-ю-б-и-и-и-л», – подхватила Грета. Шатенка допила пиво и использовала бутылку как микрофон.

– Вы дурочки! – со смехом отметила Мира, из кресла наблюдая за пьяными подругами. Свой алкогольный напиток она пила медленно, растягивая удовольствие и пьянея постепенно.

Мира сняла светлый парик, собрала темно-каштановые волосы в хвостик, а сценический наряд сменила на шелковый халат. Ей нравилось быть другой на сцене, быть Белладонной: дерзкой, самоуверенной. Но, расставаясь со сценическим образом, она становилась просто Мирой.

– Скоро гости отеля сбегутся посмотреть на ваше выступление.

– Мы наберем миллион просмотров? – спросила Сара. На ее круглом лице появился румянец. Хотя окружающие считали Сару милой, в танцовщице жил чертенок. Сара бросилась к Эльмире. – Мы обставим тебя, мы наберем больше лайков, чем ты и этот... Джек!

Мира рассмеялась и, размахивая пивом, начала подпевать. Она обожала после выступлений отдыхать с танцовщицами. Сара и Грета сопровождали Белладонну в турне и

знали, как поднять ей настроение: втроем они заказывали пиццу, смотрели реалити-шоу, обсуждали симпатичных телехранителей и модные клубы. Они веселились, и это помогало Мире забыть, что дома, в Берлине, ее никто не ждет.

Но сегодня единственный способ справиться с бурей внутри – алкоголь и щедрая ложка вранья. Непросто оказалось твердить: «Кто этот Джек? Он, оказывается, звезда?!» Ах, несите Эльмире Кассиль «Оскар»!

Грете нравилось фотографировать их посиделки, и она, приобняв Миру, сделала селфи. Мира засмотрелась на фото: Грета выглядела как среднестатистическая немка – светлокожая, с широкой челюстью и высокими скулами, с веснушками и зелеными глазами. В Эльмире, несмотря на бледную кожу, явно проглядывалось что-то азиатское: темные волосы, маленькое лицо, вытянутые к вискам глаза. «Кто же я?» – в миллионный раз пронеслось в ее голове.

– Ну-ка! – выдернула Миру из раздумий Сара. Многие называли Белладонну безбашенной за скандальные выходки и смелый характер, но они не знакомы с Сарой: на ее фоне рок-звезда показалась бы ангелом. – Грета, помоги мне! – Сара поставила на прикроватную тумбочку полупустую бутылку пива, схватила танцовщицу за руку и посадила в кресло, с которого согнала Эльмиру. – Давай покажем, как надо было танцевать! – И Сара начала плясать вокруг Греты, изображая приват-танец в стриптиз-клубе. – Он возбудился, да? – не отвлекаясь от занятия, пьяно хихикала Сара. – Скажи, этот

мужик он... он там, небось, кончил?!

Мира засмеялась переливом колокольчиков, легла на диван и прикрыла глаза. Она сжимала в руке бутылку и мечтательно улыбалась. От воспоминаний о Джеке по телу мчались приятные мурашки.

– Хм... – Мира выдержала паузу. – Я чувствовала жизнь в его брюках.

Но все слова, все действия – пьяный бред. Единственное, что помнила Мира, – как бешено колотилось сердце Джека, как смущенно он пытался отстраниться от нее, перевести напористые действия Белладонны в шутку, а главное – поскорее закончить двусмысленный танец. А Белладонна не останавливалась, не хотела останавливаться...

– О тебе говорит вся Америка! – Грета, более спокойная и скромная из их маленькой компании, смотрела в телефон. – О вас говорит вся Америка.

– Интересно, что думает Джек? – ухмыльнулась Сара.

– Или его жена? – добавила Грета, чем вызвала у Миры дрожь по позвоночнику. Вот о ком ей точно не хотелось думать, так о его безупречной, прекрасной, идеальной жене. – Наверное, она в ярости.

Мира пожала плечами и перевела тему. «Вспоминает ли меня Джек?» Она не подозревала, как скоро найдет ответ на этот вопрос.

Один взгляд в сторону Джексона поднял цунами из воспоминаний. Кровь забулдила в венах. Сердце ускорило ритм. Мира не могла поверить: правда ли его лицо она увидела на втором этаже клуба? Небритое, обласканное калифорнийским солнцем, в мелких морщинках лица... Проектор сменил траекторию, а балкон вновь оказался в полумраке. На сетчатке Миров отпечаталось увиденное – да, этот мужчина украл ее сердце давным-давно. Она спокойно жила, забыв, что Лос-Анджелес – его город. И он, черт подери, напомнил ей! Как и о том, что забыть и сделать вид – разные вещи.

Джек Льюис был для Эльмиры Кассиль всем и никем. Однажды она вычеркнула его из своей жизни, хотя в осторожности не было смысла. Он исчез, казалось бы, навсегда. Но никогда не уходил из ее сердца.

Один взгляд на Джексона, и Мира перестала чувствовать ноги. Икры налились свинцом. В тяжелых ботинках она зашагала прочь от сцены – к лестнице, к балкону, к нему. И продолжила петь. Она хорошо знала текст: спела бы «Бандита», даже разбуди ее ночью.

Один взгляд, одно нелепое желание, следом – импульс. Мыслей в голове не было, она удалялась от сцены под ра-

достные крики фанатов и пела: «О, мой Бандит, почему ты меня разлюбил?»

Телохранители моментально среагировали – оцепили Белладонну и отодвинули ее от толпы. Они двигались рядом, как солдаты – шаг в шаг, – пока Мира не достигла лестницы.

Наверх с Белладонной пошел один телохранитель, аккуратно придерживая певицу за руку. Мира вырвала ладонь из его липких пальцев. Другие мужчины сейчас отвратительны. Мира ступила на последнюю ступеньку и направилась к дальнему дивану. В песне звучал проигрыш, и толпа застыла, ожидая, какое безумие совершит Белладонна. Все прожекторы и камеры были устремлены на нее, околдованную демонами, спасенную ангелами. Девушку, внутри которой взрывались вулканы.

Она увидела затылок Джексона в забавной кепке: Фиск вышит белыми нитками на черной ткани. Мира усмехнулась, вот уж действительно... точнее не скажешь. Другие зрители ВИП-ложи застыли на диванах, оценивая Белладонну взглядами. Мира знала: люди на балконах не столь безумны, как на танцполе. Они пришли отдохнуть, пообщаться, выпить...

Что на концерте делал Джек? Она ему нравится?

Мире хотелось узнать ответы, но, когда она подошла и тронула Джека за широкое плечо, спросила:

– Развлечемся, Бандит?

Джек перевел взгляд с телефона на певицу – он не следил за выступлением! Какого черта?! Козырек кепки примял его волнистые темные волосы. От прожекторов, синхронно направленных на балкон, глаза Джека блестели. Он удивленно смотрел на нее. Впервые смотрел на нее. И один взгляд – кто бы мог подумать – привел к стольким событиям.

В дверь забарабанили: хлипкая деревяшка грозилась в любой момент слететь с петель. Мира, Сара и Грета переглянулись. Танцовщицы прекратили дурачиться, притихли. А незваный гость дернул ручку – та боязливо скрипнула. «И кому захотелось поздороваться во втором часу ночи?» – Мира сделала глоток пива. Вновь стук. В Америке, оказывается, чувствительные соседи. Пошуметь нельзя!

Эльмира знала, что ей, звезде, ничего не будет за нарушение спокойствия. Может, сделают замечание или выпишут штраф. Но она все равно собиралась пристыдить подруг, испытывая удовольствие от ситуации: Мира-то знала, что контролирует каждую минуту.

– Видите? – спросила она. – Все из-за ваших пьяных выходов. Наверняка в соседнем номере живет старушка, в про-

шлом кинозвезда, и она ненавидит шум. А отдуваться кому? Мне! Или... кто знает... вдруг за стеной поселилась итальянская мафия?

Мира направилась открывать под испуганные взгляды танцовщиц. «Надо вскрикнуть, чтобы девчонки от страха описались!» – предвкушала она розыгрыш. Но, когда открыла дверь, напрочь забыла о подругах.

Эльмира физически ощутила, как улыбка приподняла уголки ее губ.

В пустом коридоре под светом теплых ламп ее ждал боксер, музыкант, красивый мужчина – Джек Льюис! На нем та же одежда – темные джинсы, футболка, толстовка на молнии, словно он бежал из клуба и только сейчас нашел верный адрес. Джек с взлохмаченными ветром волосами, с огнем в зеленых глазах и, самое главное, совершенно один.

– Простите, мисс Кассиль. Мистер Льюис сказал, что был сегодня, технически уже вчера, на вашем концерте. – Джек один, если не считать телохранителя, дежурившего всю ночь у номера немецкой рок-звезды.

– Все правильно. – Мира не сводила глаз с Джека: с мужчины, с которым танцевала и которого желала всем телом, всем сердцем, всей душой.

Ее настолько унесло в пьяно-счастливую эйфорию, что она не сразу заметила, каким взвинченным выглядел ее гость. Он смотрел на Миру, словно ждал объяснений.

Объяснений чего?

– Привет? – Она отсалютовала бутылкой фруктового пива.

Как бы Джек ни смотрел, что бы ни сказал, Мира вряд ли бы расстроилась. Он пришел! Он думал о ней весь вечер и не смог выкинуть из головы «своенравную немецкую звезду». Да-да, именно так. Мира мечтательно улыбнулась: она выгонит подруг из номера, заменит пиво красным вином, пригласит Джека, и они... они...

– Нам нужно поговорить. – Его голос отдавал железом: твердый и холодный. Льюис окинул ее удивленным взглядом, задержавшись на «потемневших» волосах, а потом вернулся к делу: – Твоя выходка на концерте угрожает моей репутации. Я сто лет не влипал в подобные истории... – Он вздохнул и, чуть подавшись вперед, словно собрался обнять Миру, спросил: – Могла бы ты дать опровержение? Я буду тебе благодарен.

Повисла тишина, только неисправный кондиционер по-свистывал, пуская по коридору сквозняк. Во взгляде Джека Льюиса не было ничего от восхищения, на которое она рассчитывала. Брови соединились на переносице, глаза уставшие – так смотрят на едва знакомого человека. Джек пришел с конкретным вопросом и хотел получить конкретный ответ. Тишина затянулась, а неловкость усилило то, что телохранитель тактично отошел к дверям лифта, сообразив, что подопечной опасность, вопреки здравому смыслу, от коренастого и нервного мужчины не угрожает. Мира и Джек молчали

несколько долгих секунд.

Наконец Мира ответила:

– Я не понимаю, – и крепче сжала бутылку пива. Стекло под пальцами скользкое. Как и ситуация.

Джек шумно выдохнул.

– Что тут можно не понять?! – Он из последних сил пытался сохранить самообладание. Голос спокойный, вкрадчивый, но в речи сквозит раздражение. – Белла... как там тебя?

– Меня зовут Мира, – тихо представилась она.

– Неважно! – бушевал Льюис. – Едем на ту дебильную радиостанцию.

Он схватил Миру за запястье, потянул в сторону лифта. Она отдернула руку. Его прикосновение – кипятик. Будоражит, путает мысли. Разве они не пойдут в ее номер? Разве они не...

– Все в порядке? – к ним мигом подлетел телохранитель.

– Прекрасно, – бросил через плечо Джек и вновь сосредоточился на Мире. – Представляешь, они решили, что у нас роман! Если для тебя это шутки, то для меня – грязь. Я женатый человек. Ты хорошая девчонка, помоги. – Ах, какой мужчина... Ему безразлично, что сейчас ночь: он собирался потащить ее через весь город ради своей цели. – Мира...

Она попыталась запечатлеть в памяти минуту, когда Джек впервые назвал ее по имени. Сомкнул и разомкнул губы, скользнул языком по нёбу, как одержимый Гумберт⁵, и про-

⁵ Отсылка к роману «Лолита» Владимира Набокова.

шептал: «Ми-ра».

– Все в порядке, – повторила она телохранителю его же фразу – на большее не хватило сил. Только говори, Джек, говори...

И он заговорил:

– *Ми-ра*, в Америке легко можно уничтожить репутацию, а то и жизнь человека. У нас ничего не было, но завтра твой менеджер решит, что обвинить в насилии над его звездочкой известного человека – круто. Или подтвердить наш «роман» – круто. Если раньше не слушали таких девочек, как ты, то теперь не будут слушать таких мужчин, как я. Понимаю... – Джек потер кривоватую переносицу. Он избегал смотреть на Миру и, казалось, бледнел сильнее. – Вываливать на тебя... среди ночи... вот так, но... Ты начала это, верно? Пожалуйста, не порть мне жизнь.

На секунду Мирой овладело опьяняющее чувство власти. Так сходили с ума диктаторы – хотели больше и больше. Мира смотрела на Джека: он возвышался над ней, его сто восемьдесят против ее ста шестидесяти. Сейчас он казался маленькой букашкой, которую она могла взять в ладонь, ласково погладить или одним махом уничтожить. «*Грех! Эльмира, ты мерзкая девчонка!*» – голос в голове резанул по сознанию, перемешивая реальность и воспоминания. Мира прислонилась плечом к дверному косяку и прикрыла глаза. А рука Джека вновь оказалась у ее запястья.

– Отстаньте от меня, или я вызову полицию.

Сказала быстрее, чем осознала смысл слов. Построила стену. Открыла глаза, поднесла пиво ко рту, сделала глоток. Шипучий напиток обжег горло – как минутами ранее пальцы Джека обжигали кожу.

«Грех! Грех быть такой мерзавкой!»

– Уходите.

Джек сквозь зубы ответил:

– Давай... вызывай полицию, я напишу на тебя заявление. Если не хочешь по-хорошему.

– Вас никто слушать не станет, – весело ответила она, вновь глотнув пива. Сначала говорит, потом думает. Но ее сознание сегодня несется по алкогольно-разочарованному туннелю. – Вы сами сказали.

Как влюбленная Мира стала дерзкой Белладонной? Она поняла: Джек пришел ради своих целей, он не собирался провести с ней ночь. Усмехнувшись глупым мечтам, Эльмира опять сделала глоток пива – на дне бутылки треть напитка. Или она достаточно опьянела и осмелела, чтобы дерзить мужчине, перед которым в трезвом состоянии бы трепетала.

– Может, вы приехали, потому что в вашей жизни наконец-то что-то произошло? – спросила Мира.

Секундами ранее она боялась его прикосновений, но теперь хотела схватить за руку и выпроводить к чертовой матери. Знал бы он!..

Он не знал. И от возмущения приоткрыл рот.

В дверном проеме номера появились Сара и Грета.

– Эй, Мира, ты где там? – спросила Сара и, столкнувшись с убийственным взглядом Джека, ойкнула. – Э-э-э... Мы ждем.

– Ага, иду, – в подтверждение словам Мира развернулась. Пиво сделало ее тело ватным, а голову тяжелой. Хотелось провалиться в сон, а главное – убедить себя, что Джек не приходил. Это романтическая галлюцинация.

– Подожди!

– Знаете что? – Мира сжала в ладони горлышко бутылки. – Вот вам мое опровержение! – и вылила Джеку на голову остатки фруктового пива.

Если он и собирался что-то сделать, то не успел. Ловко проскользнув в номер, Эльмира захлопнула дверь и повернула замок. Прощай, Джек Льюис. Прощай, романтическая галлюцинация.

Лицо покалывало от слез.

– Мира... – начала Грета.

Но в ответ получила резкий взмах рукой и сдавленный всхлип. «Замолчи!» – жестом велела Мира, а потом отвернулась и вытерла щеки. Она спиной чувствовала, как подруги

в недоумении переглядывались. Белладонна! Она не плачет из-за мужчин. Она вообще не плачет. Если только от смеха. Или если расчувствуется от слов фанатов. И Миру чертовски разозлило, что реакция ее тела оказалась быстрее, чем осознание причины – злость. На Джека, на ситуацию, на себя. О-о-о, особенно на себя.

– Уходите, – сказала Эльмира. – Пошли вон отсюда! – Она не моргала до боли в глазах – только бы не дать слезам вновь сорваться с ресниц и размыть идиотские обои в цветочек. – Оставьте меня!

Мира не думала, что, если подружки откроют дверь, в номер может войти разъяренный Джек Льюис. Вероятно, она хотела взглянуть в его глаза, насладиться злостью в них. Но мечты разбивались о безразличие, которым он облил ее, как она его – пивом. Простое. Банальное. Безразличие.

– Мира? – изумление в голосе Сары действовало, как красная тряпка.

– Валите! На хер пошли все! – завопила Мира, взъерошив пальцами темные волосы и больно впившись ногтями в кожу головы.

Этого оказалось недостаточно – ни чтобы прогнать подруг, ни чтобы успокоиться. Тогда она сорвалась с места, едва ступая заостренными ногами. Начала толкать подруг к выходу. Безысходность дезориентировала похлеще ударов. Мира пропускала сквозь стиснутые зубы воздух, повторяя: «Уйдите, уйдите». Она не могла никого видеть. И не могла

позволить, чтобы ее видели в подобном состоянии. Пьяная истерика – это жалко!

Танцовщицы переглянулись, а потом вышли из номера.

– До завтра, – попрощалась Грета, но Мира не удостоила ее ответом.

Когда шаги стихли, а в номер так и не ворвался Джек Люис, она закрыла дверь и сползла рядом по стене. Прижала голые колени к груди, всхлипнула и достала из кармана халата телефон.

Мира долго не могла снять блокировку экрана – устройство не узнало зареванное лицо, и пальцы плохо слушались. Экран размывался, буквы двоились. Наконец Мира зашла в социальную сеть, далее – в сообщения.

«Ненавижу тебя, ненавижу! – печатала она. – Какого хрена ты приперся на мой концерт? Ты не имел права приходить после того, как поступил со мной! Ублюдок! Козел! Гори в аду!»

– Scheisse ⁶, – выругалась Мира. Палец завис на стрелочке «отправить».

Мира напилась, но не настолько, чтобы послать Джеку «прекрасное» сообщение. Она глубоко вздохнула и стерла написанное. А потом поднялась вверх по переписке и принялась нажимать одну и ту же кнопку – «удалить». Удалить, удалить, удалить. Из головы бы удалить. Увы.

Целую жизнь назад она сочиняла ему красивые стихи,

⁶ Аналогично shit (дерьмо) в английском.

рассказывала, как прошел ее день, делилась мечтами. Джек никогда не отвечал – конечно, он же знаменитость. Сколько таких писем ему приходило? Сотни, тысячи! Мира не обижалась. Он не обязан отвечать – ему это неинтересно, он использовал социальные сети как фотоальбом. А когда Мира стала Белладонной и прочувствовала на своей шкуре популярность, поняла Джека. Физически невозможно ответить всем, особенно если большая часть сообщений – смайлики или непристойные предложения.

И сейчас, расплываясь перед глазами, ее послания только смешили. Наивная девочка, никому не нужный подросток, искала утешение в односторонней переписке со знаменитостью. Ей становилось легче от мысли, что вдруг он случайно увидит, как немка пишет ему на ломаном английском: *«Читала, в Лос-Анджелесе дождливо, но я улыбаюсь, когда думаю о тебе. Пусть моя улыбка осветит твой день!»* И теперь она боялась, что Джек прочитает ее послания, а образ Белладонны рассыплется в прах.

Она засмеялась сквозь слезы – успела: ни на одном сообщении не было когда-то заветного, а сейчас пугающего «прочитано». Поэтому она могла отменить их, сделать вид, будто ничего не писала. С одной стороны, какая разница, после ее поведения Джек к Мире не подойдет. Но она стыдилась фантазий – как дети, вырастая, стесняются воображаемых друзей. Таким другом для нее был Джек. Не знаменитость с ковровой дорожки. А что-то... близкое. В тот момент – необхо-

димое.

«Да, я ничем не отличаюсь от девушек, которым нравятся твои глаза. Встреть я тебя на улице, сказала бы про глаза. Не про улыбку, не про творчество. Только про глаза. И я не хочу за тебя замуж, не хочу быть с тобой, я и так чувствую тебя внутри себя. И отлично понимаю, что ты – человек. Красивый, талантливый, обаятельный, но человек. Просто круг общения у тебя другой, запросы.

Я никогда не буду думать, что ты мой. Ты ничей. Ты принадлежишь лишь себе. Будь ты с кем-то, ты все равно принадлежишь только себе – это жизнь, люди приходят и уходят. А еще это слово – влюбилась. В кого? В картинку? Не бывает такого» (отправлено/не прочитано).

– Или бывает? – спросила Мира вслух.

Удалить.

– С тобой все в порядке? – поинтересовалась Сара. Очевидно, что нет.

Мира покачала головой. Увлеченная воспоминаниями, она не заметила, как подруга вернулась в номер и села рядом на ковер. Мира отвернулась, чтобы Сара не увидела экран ее телефона. Возможно, Мире хотелось рассказать, что за буря внутри ее сердца, но... другая сторона, *неправильная* сторона, должна остаться в прошлом.

Удалить.

«Когда симпатия к знаменитости становится интимной, о ней больше не хочется говорить, не хочется обсуждать – я думаю, это и есть финиш. Тот момент, когда ты превращаешь образ в часть себя. Это печально, настоящих людей нужно гнать из сердца. Но черт... приятно думать, верно? А рассказывать уже нет» (отправлено/не прочитано).

– Через три дня я уеду отсюда. Все закончится.

– Что закончится? – спросила Сара. Она заправила прядь темных волос за ухо и добавила: – Мы волнуемся...

– Я много выпила. – Мира через силу улыбнулась. – Джек ушел? – Странно спрашивать про него, словно он надоедливый парень.

– Да, сразу. Телохранитель его выпроводил.

Мира кивнула.

Вот и все. Джек ушел.

Глава 3

*Я мало сплю, когда не дома всю ночь.
Ты мало спишь, потому что напуган.*

© *Marina Kaye, Double Life*

Утро напомнило Эльмире рестарт видеоигры: вчера она потратила все жизни, а сегодня с первого уровня запустила игру «Без Джека Льюиса». Мира сама виновата: воспользовалась чит-кодом, нафантазировала бурный роман – и потерпела поражение. «Босс» оказался ей не по зубам. Она усвоила урок, о котором напоминали пятна слез, рассыпанные каплями по наволочке. Мира встретилась с Джеком. И он, теперь по-настоящему, разбил ей сердце.

– Du lieber Gott! ⁷ Деточка, вставай, уже обед! – Собеседник перешел на английский, зная, что Мира практикует язык из-за желаний переехать в Лондон. – Ну? – Скрип отодвинутых занавесок. – Хорошая была ночь?

Эльмира приоткрыла один глаз. Из окна номера стрельнул яркий луч солнца, и Мира закричала, словно вампир:

– Занавески, Франк, закрой их!

Похмелье накатило волнами: хотелось пить, болела голова, тошнило. Горло будто покрылось коркой, а виски пуль-

⁷ Господи! (нем.)

сировали. «Нужно либо пить, либо плакать», – решила Мира на будущее. Она хотела вновь провалиться в сон, но собеседник и не думал оставлять ее в покое:

– Мирочка, вставай! Сегодня хороший день – поедem на радио!

– Отстань... – простонала в ответ, прогоняя назойливого менеджера.

Франк Штольц стал ее правой рукой, ногой и пяткой три года назад, после встречи на шоу талантов. Франк вызвался помогать милой брюнетке с ангельским голосом, и, соединив амбиции, они создали Белладонну. Милая брюнетка стала дерзкой блондинкой, ангельский голос – сексуальным тембром дьяволицы.

Франку недавно исполнилось тридцать три. Он низенький немец с пивным животом и непослушными черными волосами. Многих смущали фамильярность менеджера и его истеричный нрав, но Мира привыкла к взбалмошному наставнику. Они дружили и ставили бизнес на первое место. Как итог, Европа обожала Белладонну, осталось покорить Америку и Азию.

– Мирочка, мы сорвали джекпот!

Она подскочила на кровати.

– Никаких «джеков» в моем присутствии! – ответила сиплым от жажды голосом. – *«Когда человеком владеет одна мысль, он находит ее во всем»*⁸.

⁸ «Собор Парижской Богоматери», Виктор Гюго.

– Опять ты книжки цитируешь. – Франк любую литературу, кроме прессы, считал пустой тратой времени.

Штольц сел на край постели. Он глянул на Миру – та, зевая, боролась со сном – и одернул забавный, явно меньше нужного на пару размеров пиджак. А затем завел долгую песню о планах на Лос-Анджелес. Интервью, съемки, автограф-сессия. Мира не слушала.

Ей удалось убедить себя, что встреча с Джеком – сон или фантазия. Но хрупкая иллюзия пошла трещинами, когда Франк достал из брюк телефон и показал выступление с песней «Бандит». То самое – оно наделало много шума. И напомнило о реальности произошедшего.

– Объяснитесь, милочка.

Эльмира схватила подушку, надавила на лицо и застонала, желая если не задохнуться, то хотя бы потерять сознание.

– Весело, правда? – спросил Франк, и по его голосу Мира поняла – менеджеру совсем не весело. – Я выкупил видео с камер видеонаблюдения. Зачем Джек Льюис приходил к тебе в номер? Ладно, неважно. Скажем, боксер тебя запугивал, подошел перед концертом и...

– Нет. – Мира откинула подушку. Села. Голову пронзила боль, отельный номер начал расплываться. Мира, кашляя, схватила с тумбочки стакан. Пригубив холодную воду, объявила: – Мы ничего не будем говорить. Я хочу забыть вчерашний вечер. – «И ночь, когда Джек пришел сюда», – добавила мысленно. – Сделаем то, что планировали до приезда:

те интервью. И уедем, ясно?

Франк прищурился. Его светлые глаза заблестели. Мира испугалась, что Франк, проницательный по долгу профессии, проникнет в ее мысли и узнает секреты сердца, а главное – как много она приобрела и потеряла за вчерашнюю ночь.

Но Мира хорошо научилась скрывать чувства, поэтому менеджер ничего не заподозрил и сказал:

– Хотел я изобразить Джека Льюиса в глазах общественности безумным сталкером: кто приезжает к знаменитости, с которой всего раз засветился в новостях, посреди ночи как к своей любимой? Но, похоже, изображать не надо. Он чокнутый! Нам не нужен такой кавалер, дорогуша. У него проблемы с головой и дурная репутация.

Эльмира поставила стакан на тумбочку и вскинула бровь.

– Ты не собирался строить пиар на «романе» между мной и Джеком? – Она изобразила пальцами кавычки. Во рту сделалось горько, словно мысли о невозможном отравляли ее организм. – Ни за что не поверю, ты любишь скандалы, – добавила Мира, отгоняя неуместное тепло в груди, которое появилось, когда она подумала, что для кого-то – пусть для журналистов, для поклонников, для ее менеджера – отношения Джека и Миры возможны.

– Деточка, что хорошего выйдет? – Франк поднялся с кровати и мерил шагами комнату, то и дело спотыкаясь о ворсистый ковер. – Льюису все кости перемыли: в прошлом бабник, дебошир, алкоголик. Образ примерного семьянина

грязь не смоет. Хорошая репутация необходима даже рок-звезде, милая моя Белладонна. А родители твоих фанатов? Они будут в шоке! – Штольц взял с тумбочки стакан и залпом осушил воду. – О, забыл главное... Джеку Льюису, мать твою, почти сорок лет! О солд-аутах ⁹ можем забыть.

Мира завернулась в одеяло, как в кокон. О чем говорил менеджер? О придуманной журналистами истории или о ее мечтах? И то и другое звучало по-идиотски – Франк красноречиво это озвучил.

– Да, ты прав.

Стыдно, больно, глупо. Мира захотела упасть Франку в объятия, заплакать и признаться в том, что сотворила вчера. Как унизила себя. А главное, прокричать на весь отель: «Я влюблена в Джека!»

Но Мира не нуждалась в сочувствии. Она давно разучилась быть честной. Особенно с собой. Поэтому кивнула, собрала темные волосы в хвост и направилась в ванную. Здесь пахло дорогими духами и ярко горели лампы. На роскошь Эльмира не обратила внимания – давно привыкла. Ополоснув лицо холодной водой, она долго вглядывалась в покрасневшие глаза, рассматривала опухший нос, искусанные губы.

– Тебе никогда с ним не быть, – прошептала Мира.

Что ответила бы ей девушка из зеркала? Что она на самом деле чувствовала? Едва ли любовь. Извращенную вер-

⁹ От английского sold out переводится как «распродано». В сфере музыки используется, когда весь концертный зал полностью выкуплен.

сию любви. Одержимость, кольцом сковавшую внутренности. Невозможность, острым осколком застрявшую в сердце. Ностальгию, что напоминает незаживающую рану. Эльмира вновь и вновь сдирала корочку, не позволяя ране затянуться.

Пора заканчивать. Встреча произошла. Галочка поставлена.

Мира вернулась в комнату с улыбкой: притворяться за несколько лет в шоу-бизнесе она научилась прекрасно. Франк проинформировал, что ассистент заказал в номер ее любимую еду – круассаны с миндальным кремом. А потом менеджер принялся говорить о планах на день. Пока Сара и Грета отсыпались, Белладонна должна позавтракать (или пообедать?), собраться и поехать на радио.

– ...ты проснулась в обед, и мы должны выйти через полчаса. Поняла?

Она открыла рот для ответа, формулируя в голове очередную ложь, но не успела сказать ни слова. Барабанной дробью по страдающему от похмелья мозгу прошла трель телефонного звонка.

Переглянувшись, певица и менеджер уставились на старомодный проводной телефон: белая пластиковая трубка с пружиной-проводом висела на стене номера, едва заметная на обоях в цветочек. Кто в современном мире звонит в номера отелей? Странная Америка.

Мира под удивленно-пристальным взглядом Франка сняла трубку. Пружинистый провод защекотал запястье.

– Алло?

– Эльмира Кассиль?

Она молчала. Свободной рукой потянулась к проводу и накрутила мягкий пластик на палец. Пыталась понять, похож ли голос собеседника на низкий тембр Джека и слышит ли она его южный акцент.

– Мисс Кассиль?

Нет. Этот голос выше, акцент британский. И Мира начала думать о другом: хотела бы она, чтобы ей позвонил Джек? Она вычеркнула его из своей жизни. Но... Хотела. Определенно.

– Алло? Мисс?

Жарко. Нечем дышать. Если позвонил не Джек, почему она не кладет трубку? Мира в поисках решения бегала глазами по комнате: комод, дверь в ванную, тумбочка, идиотские обои, застывший у кровати Франк... Мира ошпарилась о его пытливый взгляд и опустила глаза в пол. Если позвонил не Джек, почему она молчит? Пальцы до хруста сжали трубку. Губы дрогнули. *Она надеется.*

– Кто там? – нетерпеливо спросил Франк. Он ненавидел быть не в курсе, и от непонимания ситуации его лоб и щеки покрылись алыми пятнами. Франк шагнул в сторону Мира. – Мне ответить?

– Эльмира Кассиль, это вы? – Новая попытка добиться ответа.

В жизни каждого наступает момент, когда стоит прислу-

шаться к интуиции. Сейчас интуиция подсказывала Эльмире положить старомодную трубку, а Франку сочинить правдоподобный рассказ о том, что кто-то ошибся и хочет заказать сто одну розу в соседний номер. Ложь всегда давалась ей легко. Ложь была ее второй кожей. Но Мира отмахнулась.

Никакого рестарта игры не было. Игры «Без Джека Льюиса» не существует. Он всегда в ее сердце, в ее мыслях, как бы она ни пыталась убедить себя в обратном. Поэтому она почувствовала – к звонку Джек причастен, – прокашлялась и ответила:

– Да. Я.

– Добрый день, мисс Кассиль. Это Роберт Томпсон. Агент Джека Льюиса. У вас есть минута обсудить вчерашний инцидент?

Джек проснулся от запаха фруктового пива. Аромат хмозного персика будто впитался в его поры. Джек приехал домой и около часа стоял под душем: отмывал с волос и лица липкое пиво. Толстовку он выкинул в урну у лифта, пока телохранитель Белладонны провожал его изумленным взглядом. Устраивать сцену Джек не стал. Глупо было вооб-

ще приезжать. Он уехал домой и прокрался в ванную, чтобы Лиззи не увидела его – мокрого и злого – и не начала задавать вопросы. Слишком унижительно было признаться, что его облила пивом взбалмошная рок-звезда.

Джек принялся прокручивать в мыслях вопиющий поступок певицы. А также ругать себя, кретина: опасаясь за репутацию, он дал новый повод обсуждать его. Наверняка по желтым газетам разлетелась запись с камер видеонаблюдения. После концерта Джек листал новости, как одержимый. Он будто вернулся на восемь лет назад, когда его выходки обсуждались в СМИ. И он приехал в отель, словно на автопилоте, с одной целью – убедиться, что его жизнь не рассыпалась, как замок из песка на ветреном пляже. В итоге он сделал только хуже – разозлил девчонку. Раз ей влегкую облить незнакомца пивом, что она может наговорить прессе в угоду веселью, выгоде, обидам?!

Поворочавшись несколько минут, Джек понял, что не сможет вновь уснуть. Поэтому вскочил с постели, чудом не разбудив Элизабет. Жена что-то пробормотала и отвернулась к стене – золотистые локоны разметались по подушке. Ангел. Джеку безумно повезло, что у него есть Лиззи, мальчишки, дом, бизнес. Льюис не собирался терять это из-за сплетен.

«Может, вы приехали, потому что в вашей жизни наконец-то что-то произошло?» – звучал в голове насмешливый голос Белладонны. Джек надел спортивные штаны, накинул

ветровку поверх футболки и отправился на пробежку. Он бежал по мокрой от росы лужайке, злился и вспоминал, почему отказался от успешной карьеры боксера. Тогда Джек чувствовал то же самое, что и сейчас – потерю контроля. И ему это не нравилось. Ни тогда, ни тем более сейчас.

Бутылка с высокоградусным напитком была спутником Джека на всех соревнованиях. Он стал агрессивным и вспыльчивым – как и хотели в кровавом спорте. Но зависимость пагубно действовала на самое дорогое: отношения с семьей. И Джек выбрал Лиззи. Мальчиков. Скопленных денег хватило, чтобы открыть небольшой бизнес по производству экологически чистых продуктов. Всем занималась Элизабет: она обожала здоровый образ жизни и природу. Именно она мягкой рукой помогла Джеку осознать проблему и обратиться за помощью. Ему понравилась спокойная жизнь. А Белладонна тянула его назад – в скандалы и зависимость.

Льюис пробежал круг и остановился на пороге своего белого двухэтажного дома. Жилье декорировала Элизабет, потому дом был ее отражением: уютный, светлый, комфортный. Джек сел на ступеньки и отдышался. Он был потный, но спокойнее, чем пятнадцать минут назад. Спорт, как и всегда, помог освободить разум от мусора.

Джек отправился в душ. «Пошла эта пресса, – рассуждал он, намыливая тело гелем, – главное, моя семья в порядке, доход стабилен, а я могу заниматься любимым делом». Джек пару лет назад устроился тренером по боксу в местную

школу. «Пусть судачат, лишь бы это не портило жизнь моей семье», – завернувшись в полотенце, мысленно заключил Джек.

Он подошел к зеркалу и протер от пара гладкую поверхность. Взглянул на себя: мокрые темные волосы, усталые зеленые глаза. Куда ему тягаться с акулами журналистики? Или с юными девушками, жаждущими создать шумиху вокруг своей персоны. Белладонна... Она наверняка уедет из города через пару дней. Если Джек не будет искать встреч, то не будет давать поводов для новых слухов. Незачем усложнять себе жизнь.

Из кухни пахло кленовым сиропом. Каждое воскресенье Лиз готовила панкейки, Джек будил мальчишек, и вместе Льюисы завтракали в саду.

Предвкушая семейную идиллию, Джек направился в комнату старшего сына. Джонни отсыпался после счастливого вечера. Именно счастье сына придавало смысл произошедшему безумию, ведь для Джека вечер стал сущим кошмаром.

Он оглядел логово тринадцатилетнего мальчика. Одежда неаккуратно висела на стуле и лежала на полу. На столе впе-

ремешку с фантиками раскиданы учебники, тетради, комиксы; едва слышно гудел ноутбук. Над столом закрытое жалюзи окно, стены украшены плакатами – и не догадаешься, какого цвета обои.

Взгляд задержался на плакате над кроватью. Разумеется, это фотография любимой певицы Джонни – Белладонны. Она сидела на троне в зале готического замка, одетая в шелковое платье с тонкими бретельками. Ее волосы были ниже плеч и чуть темнее, чем вчера в отеле. А он-то поверил, что она блондинка, как на сцене! Наряд подчеркивал изящные ключицы и руки, усыпанные татуировками. Смотрела Белладонна, как королева на подданных: надменный взгляд, уверенная поза... Но Льюис без труда обличил рок-звезду. Он видел ее насквозь. Ненастоящие волосы, на лице много косметики, а татуировки – вторая кожа, за которой скрывалась ранимость. Она вылепила новую себя. *Белладонна никогда не знала боли.*

«Откуда ты взялась? – вздохнул, обращаясь к певице. – Почему подошла ко мне? Совпадение, разумеется. Я напомнил тебе Бандита, как сказал Джонни. Но... смотрела заинтересованно, будто знакома со мной».

Джек напряг память. Видел ли он ранее Белладонну? Оби-дел ли ее? Пару раз он приезжал на поединки в Европу, но маршрут был банален: номер в отеле, зал для тренировок, бар при отеле, зал для боя, вновь бар при отеле, самолет. Льюис прикинул, сколько могло в то время исполниться нем-

ке – не больше пятнадцати. Несовершеннолетних он в своем окружении не помнил и определенно не позвал бы к себе в номер даже в пьяном угаре.

– Па? – сонно позвал Джонни и потер глаза. – Ты чего тут? – Сын сел на постель и нахмурился. Кудряшки упали ему на глаза.

«С ума схожу, сынок, с плакатом разговариваю», – подумал Джек, а вслух сказал нейтральное:

– Вставай, пора завтракать, – и развернулся к выходу из комнаты.

Он чувствовал жжение на затылке. Его не покидало ощущение, что серые глаза Белладонны следят за ним. И беззвучно смеются.

– Лиззи, помочь с завтраком? – Он позвал жену, но осекся на последнем слове. Застыл в дверном проеме кухни. Забыл, как дышать.

Джек увидел миссис Льюис не у плиты, а за обеденным столом: Элизабет, скрестив пальцы в замок, смотрела на экран телевизора. Ее волнистые локоны выпали из хвоста и обрамляли лицо-сердечко, не тронутое косметикой. Лиз

прекрасна, только карие глаза – грустные.

Джеку вспомнилось знакомство с женой: он часто отмечал победы в барах – напивался, цеплял девушек. И Лиззи пришла отдохнуть с подругами, но напоролась на наглого бармена. Джек, словно рыцарь, защитил ее. Затащил в постель. Полюбил. И другие женщины перестали для него существовать. Джек и Лиз встретились пару раз, одержимые страстью, и Лиз забеременела. Она, девушка из хорошей семьи, мечтала о тихом семейном счастье, но Джек постоянно втягивал жену в неприятности – до пятого дня рождения Джонни, когда у Джека вдруг открылись глаза: если он продолжит напиваться, рисковать здоровьем и будущим, Лиззи заберет сына и уйдет. Тогда Джек оставил бокс, а позже, когда родился Питер, понял, что ни разу не пожалел о своем решении. Он не втягивал семью в неприятности. До вчерашнего вечера.

Сейчас Джек стоял и молился, чтобы его опасения не оправдались. Пусть жена, изумленно побледнев, смотрит по телевизору репортаж о цунами в Азии или на рождение панды в зоопарке. Что угодно, только не...

– Белладонна вчера дала жару!

...не это. Не чертова Белладонна!

– Давайте вновь посмотрим ее выступление в клубе Paradise!

Джек стремительно пересек кухню и выключил телевизор. Ему не хотелось ни видеть, ни слышать эту девчонку. Повернувшись к Элизабет, Джек тихо спросил:

– Ты злишься на меня?

– Из-за того, что ты вчера приехал, крикнул: «Сумасшедшая певичка!» – убежал и пропал на пару часов?

– Она и правда сумасшедшая.

Элизабет медлила с ответом, поправляя ворот водолазки, и тянула время, тем самым лишая Джека кислорода. А потом сказала:

– Джонни с тобой не было. В толпе с ним могло случиться что угодно и... Ему всего тринадцать! Это безответственно.

Льюиса как током дернуло. Во всей ситуации ее беспокоит безопасность сына, а не слухи о похождениях мужа. Верно, если бы Джонни был с Джеком, этого бы не случилось: Белладонна не позволила бы такого поведения при малолетнем поклоннике. Джеку до горящих ушей стало стыдно. Лиз думала о сыне, а о чем думал он?

– Мне *уже* тринадцать, мам, – пришел на помощь старший сын. Он стоял в проеме кухни и сонно потягивался. – Я бы не простил папу, если бы тухнул на диванчиках. – Джонни прошел в кухню, шлепая по плитке босыми пятками, и налил апельсиновый сок из графина в стакан. – Благодаря папе я поговорил с Белладонной. Сфоткался с ней! Это был официальный вечер. – Сын с благодарностью посмотрел на Джека.

Элизабет открыла рот, но тут же закрыла. Помедлив, она сказала:

– Все хорошо, что хорошо кончается. Я рада, что ты в порядке, – посмотрела на Джека. – Вы оба.

Джек в такие минуты жалел, что его супруга не импульсивная и эмоциональная барышня, а тихая и мудрая женщина. По бесцветному тону жены он так и не понял, злится ли она.

– Я не злюсь.

Мысли читать определенно умеет.

– Девочка славно повеселилась. От рок-звезды вполне ожидаемо что-то подобное. – Лиз говорила мягко и, замолчав на секунду, обратилась к сыну: – Джо, сходи за Питером и помоги накрыть на стол в саду.

Когда сынишка пружинистой походкой убежал из кухни, Джек подошел к супруге, обнял ее за плечи и переспросил:

– Ты точно не злишься? Клянусь, я... Я не успел ничего понять.

Он бы на ее месте злился. От мысли, что какой-то мужик танцует вокруг его женщины, кулаки зачесались.

Элизабет запрокинула голову, встретилась с мужем взглядом и тепло улыбнулась – у Джека перехватило дыхание, и он не удержался от поцелуя в ее сладкие губы. Пошел ниже, по ее щеке к шее.

– Переживаю за тебя. – Лиззи мягко выпуталась из его рук и встала к столешницам. Ее голос дрогнул, выдавая тревогу. – Не сорвись, ладно?

Джеку стало безумно стыдно за то, что он сразу все не рассказал и побоялся реакции самого близкого человека. Он крепко обнял жену, зарываясь лицом в ее волосы.

– Мне не нужен мир без тебя.

– Джек, я серьезно! – Она звонко хихикнула, когда Льюис чмокнул ее в висок. Но тон остался твердым. – Я слишком люблю тебя, чтобы верить прессе. И переживаю вовсе не за то, что юная девушка уведет тебя... – Лиз печально улыбнулась, а у Джека свело живот. Он знал: жена молча соберет вещи – свои и мальчиков – и уйдет от него. И это убьет его сильнее истерик или битой посуды. Джек испугался возможного итога, а Элизабет добавила: – Меня волнует стресс вокруг тебя. Идем завтракать.

Когда Льюис вышел в сад, то запретил себе думать о плохом. Чудесная погода, необычайно теплая для осени, родные люди рядом и стол с завтраком под ветвистым дубом. Лиззи поставила на скатерть кофейник и тарелки, Джонни – банку с джемом и столовые приборы, а маленький Питер гордо нес корзинку с хлебом. В центре стола были панкейки с кленовым сиропом.

Джонни отодвинул для Элизабет стул, и она, хихикнув, сказала:

– Ты воспитал джентльмена!

Улыбнувшись в ответ, Джек помог четырехлетнему Питеру забраться на стул, хотя ребенок упрямо норовил перебраться на отцовские колени. Это утро наполнено смехом и беседами о планах на будущую неделю. Ничто не напоминало Джеку о концерте Белладонны.

Увы, как бы ни хотелось ему забыть, ничего не вышло.

Опасность висела грозовой тучей – вот-вот пойдет дождь. И когда после завтрака Джонни громко обсуждал по телефону новое интервью Белладонны, Джек подслушал разговор. Сегодня певица приезжала на радио.

– Да, чувак, на видео мой отец! – гордо рассказывал другу Джонни.

Льюис чувствовал себя идиотом, прижавшись ухом к двери сына и внимательно ловя каждое слово.

– Ага, блин, я ждал подробностей! А она: «Без комментариев». Дерьмо! – Судя по звуку, Джонни пнул письменный стол. – Ну ничего, еще три дня Белладонна будет здесь. Ты сегодня поедешь к ее отелю? Не знаю, постараюсь...

Джек начал спускаться, задумчиво разглядывая ступеньки. Значит, Белладонна останется в Лос-Анджелесе на три дня. Джек спустился и зашел в гостиную. Там он начал играть с Питером в конструктор, но мысли то и дело возвращались к взбалмошной рок-звезде.

Что мешает Белладонне придумать небылицу завтра? Вдруг ее пиар-команда готовит для бывшего боксера жесткую подставу? «Так, Льюис, остановись», – отругал он себя, помогая сыну выстраивать разноцветную башню. Главное, Лиз верит ему. Надолго ли? Она многое выдержала и ко многому была готова, когда решила выйти замуж за известного человека, спортсмена и алкоголика. Но они привыкли жить спокойно. Вдруг Лиз поймет, что прошлое не осталось в прошлом? Вдруг осознает, что устала? Вдруг бросит его?

Заберет мальчиков? Исчезнет?

Джек невпопад отвечал Питеру на бесконечные «Почему?» и «Зачем?», пока в голове крутились свои, взрослые вопросы. Как ему поступить? Не высовываться? Нет, он не умел сидеть и ждать. Всегда в бой. Он догадывался, что девочка больная на голову, а вчера убедился в этом. Разве взрослый человек обливает оппонента напитком? Джек знал, что не может быть ни в спокойствии, ни в безопасности, пока Белладонна в его стране.

Игнорируя изумленный взгляд жены – она читала книгу в кресле, Джек вскочил и направился к ящикам письменного стола. Он долго копался в бумагах и нашел записную книжку. Листал, тихо матерился, снова листал.

– Папа? – позвал Питер, разрушив башню из «Лего».

– Джек? – отложив книгу, вторила Элизабет.

Нужный номер был найден.

– Я только посоветуюсь с юристом, – пообещал Джек.

Лиз устало покачала головой. Питер заплакал. И пока супруга успокаивала ребенка, Джек вышел в сад. Теперь завтрак казался сном, привлекательным в своем неведении, невозможным в своей реальности.

Джеку всего лишь хотелось, чтобы его имя очистили, а его самого оставили в покое. Но юрист заявил, что подавать иск на клевету бессмысленно – в прессе обсуждают догадки, а видео – не монтаж.

– Лучше вам связаться с другой стороной и прийти к ком-

промиссу, – заявил мистер Беккер. За эту простую и известную Джеку истину мистер Беккер получит кругленькую сумму. – Может быть, мисс...

– Белладонна.

– Белладонна согласится дать опровержение. Тогда прессе не за что будет зацепиться и от вас отстанут.

Поникший Льюис вернулся в дом. Под пристальным взглядом Элизабет он убрал записную книжку обратно в ящик.

– Моника позвала меня в гости. Мы с Питером поедem. Хочешь с нами? Марк обещал приготовить что-нибудь на гриле.

– У меня нет настроения. Поезжай, развейся.

Джек ненавидел бывать у Моника, лучшей подружки Элизабет, и через какое-то время Лиз бросила попытки подружить подругу и мужа. Взаимная антипатия базировалась на том, что Моника считала Джека законченным алкашом и советовала Лиз «найти кого-то получше». И если обычно Джек без труда отбивал атаки девицы, которая явно лезла не в свое дело, то сегодня у него не было сил напоминать стервозной брюнетке, что об алкоголе он не думает уже более восьми лет. Потому что сейчас думает.

Когда за супругой закрылась дверь, а сын в своей комнате громко включил музыку, Джек устроился в гостиной и положил на колени ноутбук. Полезу в интернет. Может, он не один такой? Может, есть братья по несчастью из других городов?

Джек, ритмично постукивая по клавишам, набрал на клавиатуре ноутбука: «Белладонна», «певица». Первые десять ссылок в заголовках рядом с Белладонной красовалось его имя. Скрипнув зубами, Джек добавил в строчку поиска «скандальные выходки», но статьи остались на месте – да, вчера немецкая дива произвела в Америке фурор. Джек чуть не застонал в голос и вручную начал пробираться сквозь желтую прессу. На третьей странице упоминания о «бывшем боксере» закончились, и Джек приступил к изучению карьеры его ночного кошмара, то есть Белладонны. Ему на секунду пришла в голову мысль, что проще было бы узнать информацию у Джонни, но не хотелось говорить с сыном о певице. Вдруг решит, что она и правда ему интересна.

Джеку стало легче, когда он увидел, что Белладонна – любительница шокировать публику. Например, она выступала с кавером на песню t.A.T.u. «Я сошла с ума», нарядившись в форму школьницы.

Особенно Джека интересовали выступления с песней «Бандит». Возможно, она находит в каждом зале «Бандита»? Нет. Обычно Белладонна игриво пулялась в зрителей водой из ярких водяных пистолетов.

«М-да, мне повезло», – подумал Джек. А когда он все-таки не справился с соблазном и открыл статью про вчерашний концерт, выругался:

– Черт возьми!

Мир сошел с ума. Если лет пять назад Америка назвала бы

Белладонну развязной шлюхой, а Джека – brutальным самцом, то сегодня дела обстояли иначе. Если раньше обругали бы певицу за чересчур короткую юбку, то сегодня ругали боксера. Вероятно, за густую бороду. *«Извращенец! А говорят, он женат!», «Детка, подай на него в суд за домогательства!», «Тупой мужлан, ему явно это нравится!», «Вот такие ублюдки и становятся насильниками!»*

Джек сидел, разинув рот. Он знал движение #MeToo¹⁰ и поддерживал права женщин. А его считали чуть ли не сатаной! Да, он был виноват – не остановил ее, но не потому, что ему нравилось! Он растерялся! И вообще-то, не он полез к ней на сцену обжиматься! И точно не звал ее к себе в ВИП-ложу!

В интернете нашлись пользователи, которые приняли сторону Джека, но Льюис предпочел бы никакой поддержки, чем такую. *«Я бы трахнул эту невичку! Горячая штучка!», «Подстилка Гитлера, на месте мужика я бы разбил ей лицо», «Чувак, надеюсь, ты отымел ее в...»* Джек захлопнул крышку ноутбука. Животные. И его считают таким же.

В итоге он решил позвонить своему бывшему агенту Роберту Томпсону: они хорошо общались и, пока Томпсон не переехал в Нью-Йорк, часто встречались семьями. Джек надеялся, Роберт поможет по старой дружбе, и набрал номер.

– Томпсон слушает.

¹⁰ Хештег, распространившийся в социальных сетях в октябре 2017 года, подчеркивающий осуждение сексуального насилия и домогательств.

– Привет. Это Джек Льюис.

– Дружище! – воскликнул агент. Джек представил, что Роберт, как обычно, сидит на широком подоконнике и кормит голубей – его любимых птиц. Рыжеватые волосы развеваются на ветру, а очки запотели из-за нью-йоркских холодов. – Чем обязан? Хм-м-м. Дай подумаю, Льюис, твоей репутации кирдык? – Британец вставлял в свою речь странные словечки, будто никогда не уезжал из пригорода Ливерпуля.

– Как ты догадался, – стыдливо пробурчал Джек. – Посоветуй что-нибудь. Что мне делать с этим... с этим всем.

– Какое первое правило знаменитостей, Джек?

– Не гуглить себя.

– Не гуглить себя! А второе? Сразу связываться с умным человеком, – подсказал Роберт, намекая на свою скромную персону. – Ладно, я с ней поговорю. Пусть держит язык за зубами. И если захочешь сняться в рекламе, только намеками...

– Не захочу.

– Ладно, – обиженно фыркнул Роберт. – Дай мне номер певички.

– Откуда я знаю ее номер?

– А вы разве... – Собеседник загадочно замолчал.

– Нет!

– Ха, спросить стоило!

– Я вешаю трубку.

– Ну, подожди. – Томпсон рассмеялся. – Как мне ее най-

ти?

– Она остановилась в отеле Golden sky, позвони туда.

– А откуда ты знаешь, в каком она отеле?

– Я... – У Джека пересохло в горле. – Неважно. Я с ней не спал!

– Как скажешь, дружище.

– У меня семья!

– Да, да, – задумчиво протянул Роберт.

– Просто позвони ей!

– Будет сделано, босс, – ухмыльнулся Роб. – Как в старые добрые времена, спешу на помощь! – И агент повесил трубку.

Глава 4

*И когда ты говоришь, что боишься,
мне это нравится.
Ты уверен, что хочешь от меня худшего?
Потому что я в деле.*

© *Marina Kaye, Double Life*

«У каждого свой персональный ад, персональный Сатана, который одной только улыбкой выводит из равновесия. Да кто ты такой? Чтобы я... из-за тебя... Ха. Поиграем в равнодушие? Как там его... Джек?»

– ...и он пришел! Боксер. С глазами безумными. Честно, я испугалась за Миру, – взволнованно пересказывала Сара визит Джека Льюиса.

Певица, менеджер и танцовщицы сидели в номере отеля. Так мог начаться анекдот в стиле «В бар пришли...», но продолжался день. Они разговаривали в светлом уютном номере, который впитал в стены всевозможные эмоции Миры – от боли и злости до радости и надежды. Прошло меньше суток, а Джек Льюис уже стал частью жизни Белладонны и ее команды, это радовало певицу и огорчало всех остальных.

Сара и Грета жаловались на сумасшедшего боксера, а Мира теребила прядь темных волос и помалкивала: боялась

ляпнуть неосторожное слово или продемонстрировать заинтересованную реакцию. Ей и улыбку-то с трудом удалось спрятать. «Ты больная и глупая», – будет вердикт, если она себя выдаст. Потому что Джек Льюис – женатый мужчина тридцати восьми лет, которого она впервые увидела вживую на своем концерте.

Франк и танцовщицы беседовали, а Мира перечитывала личный дневник: она посвящала Джеку посты, которые отличались от ее сообщений. Мира, будучи подростком, раскрывала на запароленных страницах свою темную сторону и позволяла испытывать неправильные чувства. Она давно забыла эти глупости. Но вспомнила вновь, потому что Джек вышел на связь! Не получится теперь вычеркнуть его из своей жизни. По правде говоря, не очень-то и хотелось.

На радио Франк гонял несчастного ассистента по всей студии, согласовывая «неожиданные изменения» в вопросах интервью. Журналистам не терпелось узнать больше о концерте, точнее, о взаимоотношениях Джека Льюиса и Белладонны. Вопросы о новом альбоме, успех среди американской молодежи, номинация на «Грэмми» – это беспокоило прессу не так сильно, как возможная интрижка. И Франк возмущался: *«Наши звездный час превратился в балаган! Твой звездный час, Мира! Они талдычат: «Можно спросить о танце? Белладонна расскажет, почему выбрала Льюиса?» Нет, не расскажет! Вим, скажи им закрыть рты, или интервью не будет!»*

Белладонна со скукой наблюдала за беготней ассистента. Вим носился от менеджера радиoproграммы до менеджера певицы, и перед ее глазами мелькали его длинные темные волосы. Мира называла Вима «парень-невидимка»: он заказывал машину и еду, договаривался с отелями, персоналом, журналистами, но редко контактировал с Мирой.

Сошлись на том, что Белладонна расскажет историю создания песни «Бандит» и намекнет: Джек похож на лирического героя. Провокационные вопросы Мира награждала фразой «Без комментариев» и была рада такому исходу. Ей казалось, и эти слова звучали трепетно, с удовольствием. «Без комментариев», а мыслями она там, в новой встрече с Джеком, в утреннем звонке по поводу Джека, в концертном зале, у Джека на коленях.

Вернувшись в отель, Франк первым делом потребовал от танцовщиц вразумительных объяснений по поводу визита Льюиса в номер его звездочки. Видимо, понял: от подопечной ничего не добьется. Но вряд ли удивился ее скрытности: Эльмира редко показывала чувства. Точнее, только в песнях.

– Телохранителя я уволил, – заявил Франк, расхаживая по номеру в разноцветных носках. – Идиот! Льюис ему показал права, сказал: «Обо мне по радио говорят», и этот кретин его впустил! А если бы у Льюиса был нож?!

Сара и Грета взвизгнули. Едва ли они всерьез испугались за подругу, скорее разыгрывали спектакль для менеджера: Франку необходимо выговориться, тогда он успокоится и

приступит к текущим задачам. Например, к причине звонка Роберта Томпсона.

Мира и бровью не повела, услышав о «маньяке Льюисе». Джек был суров на ринге, но Мира чувствовала – в жизни он другой. На чем основывалась ее уверенность? Милые фотографии в социальных сетях? Он мог ее убить. Ха! Представила заголовки: *«Мы прочитали личный дневник Белладонны – она любила своего убийцу!»*

Эльмира тихо хихикнула, но когда ее глаза опустились на запись в дневнике, то улыбка потухла, оставляя в одиночестве посреди переполненной комнаты: разглядывать буквы на экране.

«Не верю в тебя как помощника мне. Ты не послан мне тем, кого люди привыкли окрещивать Всевышним. Ты глава в книге моей жизни: в книге с рваными листами. Ты раскрасил бесконечный день сурка. И ты исчезнешь. Оставив пустоту. Пустоту? Я была бы рада. Но...»

– А ты что скажешь, Мира?

Она вздрогнула, свернула страницу с дневником и ткнула в рандомную иконку. Вовремя – Франк склонился над ее телефоном. Никакого личного пространства! Мира следом за менеджером посмотрела в экран.

– Гляди, – выдохнула она, – у меня подписчиков прибавилось.

Франк завис, довольно улыбаясь, но быстро вернулся к теме:

– Повтори, что сказал по телефону тот мужик.

– Он сказал... – Мира проследила, как Сара и Грета, притихнув, сели на кровать, – ситуация вредит и моей репутации. Дал номер Джека, если мы захотим обсудить варианты с ним. – Мира бросила взгляд на клочок бумаги, который положила на журнальный столик. Цифры она записала быстро, дрожащей рукой, боясь забыть, но зря беспокоилась: с первого раза запомнила номер Джека наизусть. – И попросил упомянуть в следующем интервью ситуацию на концерте...

– Пиара захотел! – воскликнул Франк. Лицо менеджера покраснелось и заблестело, словно румяный блин.

Мира вздохнула:

– Для человека, который все контролирует, твое поведение чересчур истерично. – Она помолчала и выдержала возмущенный взгляд – Франк всегда первым отводил глаза, будто собака перед хозяином. Мира убрала телефон в карман спортивных брюк и добавила: – Джек хочет, чтобы о нем прекратили выдумывать слухи. Поэтому Роберт Томпсон попросил дать опровержение. Мне нетрудно вновь поговорить о Джеке...

– Опровержение?! – Франк напоминал актрису дешевой постановки. – Девочки, вы слышали?! – Сара и Грета испуганно переглянулись.

– Конечно, слышали, они рядом сидят, – вставила Мира.

Франк метнул на подопечную сердито-беспомощный взгляд и предпринял новую попытку выставить ее любимого всемирным злом:

– Они хотят опровержение тому, что Джек Льюис – ма-
ньяк?! Простите, врать не будем! Он приходил к тебе в
отель!

– Чтобы попросить опровержение, – спокойно отбила удар
Мира.

Впервые она поступила опрометчиво, и неудивительно,
что менеджер не знал, как реагировать на ее выходку. Имидж
рок-звезды позволял Белладонне вытворять всякое: напи-
ваться в клубах, спать со случайными красавчиками, пока-
зывать средний палец журналистам... Все это заранее обго-
ворили наравне с другими нюансами контракта. А вот ин-
тересоваться кем-то – нет, такое совсем не подходит Белла-
донне.

Чувства Франка заботили Эльмиру в последнюю очередь.
Главное, у нее есть номер Джека! И она может ему позво-
нить! Истерика Штольца порядком утомила, и Мире хоте-
лось послать Франка куда подальше, но тот подскочил от
громкой музыки – в пиджаке надрывался мобильный.

– Звонит Келлер, – сообщил Франк, прислонив телефон к
уху. – Guten Tag Herr Keller! Ja... Alles gud! ¹¹ – И, улыбаясь,
будто собеседник мог увидеть это жалкое подобие улыбки,
Франк покинул номер.

¹¹ Добрый день, герр Келлер! Да... Все хорошо! (нем.)

Мира замерла с открытым ртом. Вжалась в кресло. Тихо выругалась.

Грегори Келлер – продюсер музыкального лейбла и владелец студии звукозаписи. Человек, благодаря которому у Белладонны есть финансирование на альбомы, туры, клипы, а также возможность зарабатывать на творчестве кругленькие суммы. О продюсере Мира напрочь забыла, гоняясь за подростковыми грезами. Зря! Сухенький мужчина с грустными карими глазами мог превратить ее сказочный замок (квартиру в центре Берлина) в тыкву, а бесконечный бал (карьеру певицы) в концерты в дешевых барах на окраине города.

Грегори Келлер не был дьяволом, которому восходящая звезда продала душу. Напротив, о таком продюсере мечтали многие артисты: Келлер не контролировал процесс создания музыки, ему было плевать на имидж Белладонны – этим занимался Франк Штольц. Потому разозлить или расстроить покровителя Мира боялась скорее из уважения. Грегори Келлер казался консервативным немцем, а каков продюсер в гневе, Эльмира не знала и не хотела бы знать. Даже если Келлер не лишит Белладонну финансирования, она может потерять его доверие: для продюсера, несмотря на образ рок-звезды, певица оставалась миленькой девочкой.

– Ну... Пойдем? – услышала Мира голос Сары. – Мы собирались по магазинам, – напомнила подруга, а Грета закивала.

– Идите, – отмахнулась Мира. Она напрочь забыла о тан-

цовщицах: будто не подружки, а видения – и Мире хотелось, чтобы те поскорее исчезли.

Сара и Грета поняли намек: не стали задерживаться. За ними закрылась дверь. В тишине собственное дыхание показалось чересчур шумным, и Мира вскочила, заметаившись по комнате.

«Что мне делать? Как заслужить прощение Келлера? Упасть на колени и умолять?» Грегори Келлер точно удивится ее поведению. Белладонна, молчаливая и некапризная, во время встреч одаривала продюсера либо мягкой улыбкой, либо сдержанным *dankeschön* ¹². На сей раз придется постараться и высказать эмоции не на сцене. Устроить театральную постановку, потерпеть унижение. Но оно того стоит. Джек того стоит.

В ожидании Франка Мира не находила места. «О чем они так долго говорят?!» Она села на широкий подоконник, отодвинула занавеску и попыталась сосредоточиться на пейзаже за окном: мягкие сумерки окутали Город ангелов ¹³, за-

¹² Спасибо (нем.).

¹³ Прозвище Лос-Анджелеса.

зглись фонари, вспыхнули неоновые вывески баров. И где-то недалеко билось сердце Джека.

Если карьере Белладонны конец, если Франк придет и сообщит, что Миру ждут в Берлине расторгать контракт и платить огромную неустойку, то единственное, что всерьез огорчит Миру, – она вряд ли когда-нибудь снова увидит Джека. Дыхание из шумного стало прерывистым. Еще пара мыслей, и случится истерика. Мира спрыгнула с подоконника, ловко приземлилась на ковер и наклонилась к дорожной сумке. Достала из внутреннего кармана складной нож. Повертела в руке, нажала большим пальцем: щелчок обнажил сталь, лезвие выскочило, словно пуля из обоймы. На рукоятке гравировка – Triste, «печальный» на французском.

Свободная рука задрожала, а через секунду вновь потянулась к сумке. Мира достала упаковку антисептика. Открыла крышку: в нос ударил запах спирта. Окружающие считали певицу помешанной на чистоте, а в желтой прессе ходили слухи, что у немецкой рок-звезды ОКР¹⁴. Действительность оказалась банальнее: от плохих привычек сложно избавиться.

Мира задрала штанину, брызнула антисептик, растерла по коже. Прислонила лезвие к ноге. Пальцы, сжимающие нож, похолодели. «Нет! – воскликнул в голове отчаянный вопль.

¹⁴ Обсессивно-компульсивное расстройство – психическое расстройство, при котором у человека появляются неконтролируемые навязчивые мысли. Для снижения уровня тревожности человек выполняет определенные действия, например моет руки, убирает квартиру и т. п.

Не ее. Чужой. – Ты сильнее». Мира мысленно добавила: «И не позволю Джеку увидеть меня такой».

Эта мысль отрезвила. Нож выпал и затерялся в ворсинках ковра. Резкий выдох нарушил тишину. Мира опустила штанину, кинула антисептик в сумку, наклонилась, взяла нож и подошла к кровати. Села на колени и принялась вырисовывать на деревянном изголовье букву J. У Миры действительно психическое расстройство. ЧДЛ – Чертов Джек Льюис.

Эльмира вывела Jack на изголовье кровати и бросила нож в сумку. Устала предполагать худшее, поэтому решила найти Франка и потребовать, чтобы тот дал номер Грегори Келлера: она убедит продюсера не выгонять ее с лейбла. Джек Льюис и его агент Роберт Томпсон больше не звонили, значит, время брать ситуацию в свои руки.

Распахнув дверь, Мира наткнулась на Франка, которого стремилась найти. Менеджер застыл, нелепо подняв правую руку: наверняка собирался постучать в номер. На лице Штольца сверкала улыбка, а в левой руке он сжимал выключенный телефон.

– Что... – начала Мира, готовясь к худшему. «Лыбится

от радости: оказался прав, а меня гонят прочь», – пришла к неутешительному выводу.

– Герр Келлер в восторге! – заявил Франк и, чтобы пройти внутрь, толкнул ее внушительным животом. – От твоей находчивости. От твоих продаж. Мира, ты умница! Прекрасный ход с Льюисом, изумительный!

– Да? – только и смогла переспросить она. До конца не веря в происходящее, Мира добавила: – И... что теперь?

Франк не спешил с ответом, задумчивым взглядом окинув спальню. Миру бросило в холодный пот: если Франк повернет голову влево, то сможет разглядеть вычерненное ножом имя на изголовье кровати. Появятся вопросы, и осуществление мечты лопнет как мыльный пузырь. Мира не могла позволить, чтобы менеджер узнал ее секрет.

– Франк, давай поговорим за ужином?

Штольц тут же повернулся к подопечной:

– Собирайся, жду в ресторане. Там все обсудим.

Франк оставил ее в одиночестве, и она облегченно выдохнула. Достала из шкафа черные рваные джинсы и футболку с логотипом Ramones¹⁵, а волосы собрала в неаккуратный пучок. Решила обойтись без парика: поклонники, как и пресса, знали, что светлые волосы – образ для новой музыкальной эры, и, так как ужин планировался в ресторане отеля, вживаться в образ Белладонны ей необязательно.

¹⁵ Американская панк-рок-группа, одни из самых первых исполнителей панк-рока.

Официант проводил Миру до закрытой от других гостей кабинки, здесь ее ждал Франк с бокалом двойного виски. Эльмира огляделась: бархатные спинки стульев, квадратный стол из темного дерева, занавески с позолотой. Дорого, роскошно, безразлично. Мира бы все отдала, чтобы с ней ужинал Джек Льюис. Пускай не в дорогом ресторане, а в забегаловке – она помнила, что Джек любит бургеры с двойным луком и говядиной. Но нет, перед ней сидел менеджер. Мира печально усмехнулась: она стала звездой, у нее много денег, но главное – любовь – за деньги не купишь.

Эльмира села напротив Франка, заказала салат и рыбу. От выпивки отказалась, ограничилась стаканом воды. Поблагодарила официанта и осталась наедине с менеджером, который почти допил виски.

– Итак... – начала Мира, но ее перебил официант с подносом. «И это приватность?!» – мысленно возмутилась артистка.

Перед Франком оказались тарелка пасты с трюфелями, устрицы, а также брускетта с авокадо, яйцом пашот и красной рыбой. Странное сочетание, но, вероятно, Франк заказал самые дорогие блюда. «То есть транжирить заработанные благодаря мне деньги он может, а устроить встречу с Джеком – нет?!» – закипела Мира.

Но вслух произнесла вежливое:

– Спасибо. Вы свободны.

Когда официант откланялся, она повторила:

– Итак?!

– Раз Келлер не против, у нас развязаны руки. Но последствия будешь разгребать сама! – заявил Штольц, уплетая ужин за обе щеки.

Мира улыбнулась: она знала, что менеджер блефует и поможет в любом случае, недаром она его любимая – и единственная – звездочка.

– Мне эти слухи тоже надоели, – отрезала Мира, надеясь выудить больше информации о телефонном разговоре. – Что мне нужно сделать?

– Тебе? – удивившись, Франк на мгновение перестал жевать. Потом опомнился, запил еду остатками виски и добавил: – Ничего, как всегда. Оставь это взрослому умному дяде, малышка.

– А ты не скупись на комплименты себе любимому, – проворчала Эльмира, поймав себя на мысли, что ее впервые раздражает отзывчивость менеджера. – Выкладывай, какие следующие шаги? Чего Келлер хочет? – На языке вертелось: «Что мы можем сделать, чтобы я стала ближе к Джеку?»

Пока Франк ел, роняя крошки на ворот, Мира принесли заказ. Но есть резко перехотелось, от волнения свело желудок. А Франк все молчал. Наконец, закончив с брускеттой, он принялся рассуждать:

– Мы едва собрали клуб... И не буду даже вспоминать, как трудно было устроить концерт: Америка плохо воспринимает артистов из других стран, они любят своих. Но то,

что происходит сейчас... Безумие! Песня «Бандит» завирусилась в социальных сетях, поднялась в чартах, думаю, если мы объявим новый концерт, то за сутки соберем большой зал!

– Я готова! – воскликнула Эльмира. Если Джек вновь придет, она готова выступать каждый вечер. С ним.

– Не думаю, что это заслуга Джека Льюиса. – Штольц подопечную не слушал. «И хорошо, – одернула себя Мира, – я стала явно проявлять интерес». – Думаю, дело в инфоповоде: престарелый, – Мира поморщилась, – знаменитый боксер и юная восходящая звезда. Вы так непохожи, словно стороны магнита, и общественность волнуется: постановка ли твой танец? Пиар? Случайность? Желание Льюиса напомнить о себе? Твои выходки? Его больная фантазия? Людей всегда волновали подобные темы, и мы можем использовать их для продвижения. Главное, не увлечься: заезженная пластинка быстро надоедает. – Франк кинул вилку в пустую тарелку и торжественно заявил: – Завтра запрошу продажи физических копий альбома. И... Да. О Льюисе на интервью мы поговорим.

Вернувшись в номер, Мира первым делом достала нож и зачеркнула имя Jack: аккуратно выведенные буквы на изголовье кровати превратились в резкие полосы содранного лака, обнажая светлое дерево. Так восемь лет Мира вычеркивала Джека из мыслей: отчаянно, упрямо, в страхе быть пойманной. И получалось же! Воспоминания редко всплывали непонятной болью в груди, словно напоминали о перенесенной операции. А потом она встретила его на своем концерте. И стало бесполезным все, что она делала: таблетки, новые впечатления, карьерные взлеты, чужие поцелуи... Поблекло и испарилось, будто она вновь девочка-подросток.

Соблазн получить желаемое в образе легкого ветерка от кондиционера щекотал Мире затылок. Она не была сумасшедшей. Она осознавала, что ее мечты неправильны. Но когда у Миры ничего не осталось, грезы о Джеке спасли ее, а позже превратили сердце в сад из засушенных роз: она ни одному мужчине не позволила полить эти цветы. И вместо благодарности за хорошее она злилась и хотела обладать боксером.

Мира устроилась в кресле и взяла телефон. Открыла страницу Джека. Как давно она не подсматривала за его жизнью? Несколько лет точно. Эльмира Кассиль не из помешанных поклонниц – иначе бы, заработав первые деньги, сразу поехала искать Джека. Вероятно, пошла бы на его бой, подкараулила у отеля или... бросилась под колеса его машины! Мира не считала себя фанаткой. Она презирала фанаток за

наивность и веру в чудо. Успех она обрела вовсе не благодаря удаче или богатым родителям. Борьба и еще раз борьба. Эльмира получила карьеру, славу, деньги. И теперь у нее не выйдет получить знаменитость? Чушь. Джек будет ее.

Она провела пальцами по фотографии семейной пары. Джек и его жена Лиз целовались посреди парка. Теперь фото навсегда отпечаталось на ее сетчатке. Занимаясь другими делами, Мира время от времени будет видеть эту фотографию. Она свернула страницу и бросила телефон на столик, будто обожгла пальцы. Плевать. Она не думает о чужих делах, жене, счастье. Как о ней, Мире, никто никогда не думал.

Она покрутила телефон в руках. Эльмира словно владела бомбой: только ей решать, деактивировать или взорвать. Звонить или нет. Вторгаться в жизнь Джека или оставить все как есть. Забыть его – этого Джек, разумеется, и хотел. Она включила экран и набрала номер. Не Джека.

– Привет, Тристан. Извини, что поздно. Ох... Точно. Забыла, что я не в Европе. Извини, что рано. Помнишь, в подростковые годы мы смотрели по телевизору бои с участием Джека Льюиса? Да, того самого. Он потом исчез... бросил карьеру. И я забыла о нем. Или сделала вид? Неважно.

Она помолчала. Сглотнула горечь и продолжила:

– Столько лет я не вспоминала Джека. Поверь, я не помешанная фанатка. Врать не буду, я подумала о нем, когда летела в Лос-Анджелес. Его город... Но я и представить не могла, что он придет на мой концерт! И сейчас... Могу ли

я упустить возможность? – Мира встала и принялась ходить по комнате. – Нет. Для чего-то же встреча произошла? Он пришел на мой концерт. И я могу поговорить с ним, представляешь? Как мечтала много-много лет назад. – Мира нахмурилась. – Ты не поймешь, Тристан. Я сама не понимаю. Будто это другая Мира, подросток, взяла верх надо мной. – Сердце сжалось от воспоминаний. – Представь, меня привели в магазин игрушек, показали на ту, которую я давно хотела, и сказали – бери. Воровать плохо, а Джек не игрушка? Да, согласна. Но ты понял мою метафору? Надеюсь, понял. Повторю, я не безумна. И все же поддамся порыву. Посмотрю, к чему приведут мои... *наши* действия. Да. Свои ходы Джек делает. Невозможно играть в шахматы в одиночестве. – Мира замолчала и шепотом добавила: – Жаль, ты не можешь приехать и остановить меня. Пока, Тристан.

Она отключила вызов, смахнула слезы – те выступили алмазами в уголках серых глаз – и направилась к менеджеру в номер.

Мира позвонит Джеку. Мира выбирает взорвать бомбу.

– Тук-тук, можно?

Мире не хотелось говорить о Джеке на интервью. Ей хотелось его видеть. И это возможно. Дело за малым – убедить Франка.

– Ага, заходи!

Номер менеджера оказался роскошнее и просторнее, чем ее. Неудивительно, Франк всегда выбирал лучшее, и Мира была не против. Главное, он качественно выполнял работу, а каким образом лечил свои детские травмы, ее не волновало. В конце концов она, чтобы вылечить детскую травму, собиралась разрушить чужую семью.

– Чем занят? – Мира села на край заправленной покрывалом кровати.

Франк перестал смотреть в планшет и встал из-за письменного стола. Приземлился рядом с Эльмирой и показал ей экран планшета:

– Маргарет прислала фото Беатрис.

– Твоя племянница подросла, – улыбнулась Мира, разглядывая двухлетнюю светловолосую малышку. – А ты, Франк? Не созрел?

Франк громко рассмеялся и отложил планшет на кровать.

– Я? Стать отцом? Нет, меня устраивают взрослые дети, которые не пользуются подгузниками и приносят хорошие деньги. – Он потрепал Миру по волосам. – Моя единственная и любимая дочка.

– Меркантильный! – Она отмахнулась. Но в груди растеклось тепло: после сотрудничества с менеджером-придурком

оказалось приятно найти менеджера-союзника.

Франк серьезно добавил:

– Спасибо, Мира. Огромная радость после стольких неудач – а я в бизнесе уже десять лет! – найти тебя. И поэтому я волнуюсь, как бы история с Джеком Льюисом не вышла нам боком...

Мира встрепелулась. Франк сам заговорил о Джеке!

Она спросила:

– Ты, кстати, думал по поводу Джека? – И пока менеджер не задал закономерный вопрос: «А почему ты беспокоишься?» – Мира выдала: – Считаю, нужно, чтобы он присутствовал. Завтра интервью на телешоу, верно? Пригласим Джека на ТВ. Там и дадим опровержение. Но сначала вдоволь потомим прессу и поклонников этой новостью. Они наверняка подумают, что на телешоу мы устроим что-нибудь... скандальное.

– Хм. – Франк всерьез задумался, и Миру это воодушевило. Через пару лет она может стать своим менеджером! – Хорошая мысль, – наконец ответил Штольц. Он потянулся за планшетом. – Я подумаю. – Его вниманием завладел портал TMZ¹⁶.

Но Мира не считала, что разговор окончен:

– Думать некогда! Интервью завтра.

– Ладно, утром я наберу этому... как там его... Томпсону.

– Лучше поговорить с Джеком Льюисом, – настаивала

¹⁶ Интернет-издание о мире шоу-бизнеса.

Мира. Внутри рос воздушный шарик предвкушения. Разговор с Джеком!

– Ладно, – повторил Штольц. – Я позвоню ему. Утром.

Франк действовал точно по придуманному Мирой сценарию: подвел разговор к Джеку и согласился обсудить дело с ним. Осталось сыграть финальный аккорд, и беседа с Джеком у нее в кармане.

Мира, улыбаясь до боли в щеках, предложила:

– Могу позвонить я. Ему наверняка приятнее общаться со мной, чем с моим менеджером. Мы поболтали пару минут после концерта и нашли общий язык. – Она опустила то, что в холле отеля у них вряд ли получилось «найти общий язык».

Франк выключил планшет, стер с лица добродушное выражение и сказал:

– Ты не будешь с ним разговаривать, детка.

– *Я буду* с ним разговаривать, – опешила Мира. Соппротивление никак не входило в ее планы. Сложив руки на груди, она ждала объяснений.

Франк, смутившись от ее грозного вида, залепетал:

– Мирочка, я твой менеджер, и подобные вопросы решаю я! Я и этот... Роберт! Не ты и Джек!

– Вот именно, – холодно парировала она. – Ты мой менеджер, а не отец. Я буду разговаривать с кем захочу. Из уважения поставила тебя в известность.

– А упрямая ты, будто я твой отец! – кричал Франк. Он даже встал, будто нависая над ней, у него были шансы пе-

реубедить ее или испугать. Франк со стоном добавил: – Хочешь сделать назло!

– Нужен ты мне, делать назло.

Франк замер. Воцарилась тишина, и, если бы по комнате пролетела муха, менеджер и певица наверняка бы услышали, как жужжат крылышки насекомого. Миру эта тишина, как и сопротивление в целом, не обрадовало.

– Он что... – Франк оттянул ворот рубашки.

– Нет, – перебила Мира.

– ...заинтересовал тебя?! – осенило Штольца, и она пожалела, что начала препираться. – Ты подошла к Джеку Лююису неслучайно? Ты *хотела* танцевать именно с ним! Вот я идиот, однако!

– С этим не поспоришь, – буркнула Эльмира, чувствуя, как дрожат кончики пальцев. Многие стояло на кону, поэтому она быстро придумала оправдание: – Видел этого старика женатого? Нет, он мне ни капельки не понравился, но издеваться над ним – да, забавно. Американцы ранимые. Трясутся за имидж! – Мира вскочила и схватила за руку изумленного менеджера, будто и правда дочка, которая упрашивала поиграть поздним вечером. Она начала дергать Франка за запястье и канючить: – Пожалуйста, пожалуйста, я тысячу лет не веселилась! Для Белладонны это отличный пиар. Вспомни, что ты говорил? Мы собрали маленький клуб, а теперь о нас говорит вся Америка! – Мира замолчала, придумывая, что сказать для контрольного выстрела. Усмехну-

лась. – Пресса вторые сутки нас обсуждает, круто, а? Давай подкинем собакам косточек! Герр Келлер будет в восторге! Ему нравится моя инициатива.

Кроме прекрасной лжи – манипуляция. Эльмира знала, на что давить: глаза Франка засверкали, словно маленькие алмазы.

– Ну, звони. Только не перегибай палку, – предупредил менеджер.

Мира взвизгнула и убежала к себе.

Она не могла отделаться от мысли, что Франк впервые не поверил в ее ложь. Не поверил, что ей безразличен Джек.

После звонка агенту Джек успокоился и свозил старшего сына на тренировку, не опасаясь шушуканья за спиной. Другие родители вполне мило с ним беседовали. Вероятно, им некогда читать прессу, и они знать не знают, кто такая Белладонна. Понимание, что не весь мир в курсе последних новостей, еще сильнее приободрило Джека. Он поверил, что все будет хорошо, а с нелепыми слухами разберется агент.

Но Элизабет не обрадовалась решению подключить к делу давнего приятеля. Пока дети играли в гостиной, Джек помо-

гал Лиз с уборкой на кухне и рассказывал о звонке Роберту.
– Джек, не связывайся... – Супруга многозначительно посмотрела на Льюиса темными глазами и, вздохнув, отвернулась к раковине.

– Я уже связался, как ты видишь! – вспыхнул Джек, с грохотом захлопнув посудомойку. – Я хочу это закончить! Как можно скорее.

Элизабет никак не отреагировала на вспыльчивый жест – привыкла. Она повернулась, светлые пряди упали ей на щеки, и положила руку Джеку на плечо. Через ткань футболки он почувствовал тепло, и ему стало стыдно.

– Извини.

– Реагируя, ты приковываешь к себе больше внимания...

– Ты читала, что обо мне пишут?! – вновь завелся Джек. – Лиз, я не хочу жить с клеймом насильника, извращенца и... бог знает кого еще!

Элизабет помолчала пару секунд. Она встала на цыпочки, чмокнула мужа в колючую щеку и сказала:

– Поступай так, как считаешь нужным.

Она направилась к сыновьям, а Джек выругался. Эта ситуация возвращала его прежнего, показывала нутро, спрятанное за самообладанием, трезвостью, мудростью. Джек остепенился. Разумом понимал, что оно того не стоит, но внутри все кипело – как легко свернуть с верного пути. Джек стиснул ладони в кулаки. Нет, он не свернул. Он стоит на развилке. И вернется домой.

В кармане шорт завибрировал мобильный, Джек достал телефон. Незнакомый номер. Кто это? Пресса? В другой ситуации Льюис сразу бы сбросил вызов, но сейчас его слишком волновало происходящее.

Джек вышел в сад, по пути сдернув с вешалки куртку, и там, вдыхая вечерний воздух, сказал в трубку:

– Алло.

Секунды тишины. Женский голос:

– Джек Льюис?

– Да. Кто это?

Опять тишина. Какая-то шутка? Точно журналистка!

– Мира... Белладонна.

Ох, лучше бы журналистка! Джек почувствовал, как к горлу подступила горечь. И певица смеет ему звонить?!

– Что тебе надо? – наплевав на вежливость, прорычал Льюис. Он накинул на плечи куртку и посмотрел на ветвистое дерево. Ветки колыхались на ветру, гипнотизировали, успокаивали. «Все будет хорошо, все будет...»

– Хотела обсудить произошедшее, – перебила Белладонна мантру Джека и замолчала, а он не знал, что ответить.

После третьей фразы он убедился: ему позвонила Белладонна. Ее немецкий акцент звучал дерзко, она произносила согласные, будто заколачивала гвозди, а на некоторых словах неправильно ставила ударения.

– Некрасиво получилось, – добавила певица. – И я бы хотела дать опровержение, чтобы вас оставили в покое. Толь-

ко... мне кое-что нужно.

– Деньги? – устало спросил Джек.

Хорошо. Он даст ей денег, много денег, пусть оставит его в покое.

– Нет.

– Тогда что?

Она молчала. Долго. Джеку пришлось взглянуть на экран, чтобы убедиться – вызов не завершен. Льюис опустил на край деревянной скамьи и положил локти на стол. Шумный вдох образовал облако пара. «Ну же, скажи что-нибудь, перестань мучить», – взмолился Джек. И она сказала:

– Вы боксер, да? Посмотрите со мной бой. Всегда хотела посмотреть спортивное соревнование с профессионалом. И комментируйте каждый удар. Хочу чувствовать, будто нахожусь на ринге.

– Это все? – Джек не верил, что легко отделался.

– Ага. – Голос Белладонны стал увереннее, появились веселые нотки. – Один вечер, один бой, и от вас отстанут. Я уезжаю через пару дней. Отношения на расстоянии – не мой формат.

Ее условие звучало... выполнимо. Только если это не очередная уловка. Льюис скрипнул зубами и под шум ветра просипел в трубку:

– Ты предлагаешь встретиться после того, как я рассказал тебе о важности репутации? Черт побери, я сам подал идею! Нет, я не идиот. И ничего с тобой смотреть не собираюсь.

Белладонна залилась звонким смехом. Джек подумал: так смеются ангелы. Но разве ангелы могут дерзить и ставить условия?

– Обещаю, – заверила она. – Если ничего не будет, то не будет.

– «Если», – передразнил с ухмылкой. Джек понимал, что ходит по тонкому льду, но злить импульсивную девчонку не хотел. В помещении наверняка будут камеры, и он уйдет сразу после просмотра боя. Да, все пройдет хорошо. И кошмар закончится.

Белладонна насвистывала незнакомую ему мелодию, пока ждала ответ.

– Сначала опровержение, – решил обезопасить себя Джек.

– Без проблем, – легко согласилась певица. – Завтра у меня интервью на ТВ. Там и скажу. Но и вы должны присутствовать.

– Мне зачем туда ехать? – возмутился Джек. От возможного появления на публике его бросило в холодный пот.

– Менеджер сказал, так будет легче доказать всем *правду*. – Белладонна сделала странный акцент на последнем слове, будто ее заявление о том, что они не в отношениях, не будет правдой. – Знаете, а я ведь и передумать могу, – вдруг сказала она. – Делать мне нечего, как тратить время на тупое шоу. Лучше прогуляюсь по Аллее Славы...

– Ладно, – сдался Джек. – Я приеду.

Разговор вытянул из Миры все силы. Она долго стояла под душем, вздрагивая от бьющих по телу капель. Она предложила Джеку посмотреть бой, чтобы представить, каково это – рассказать *ему* о давней мечте. Мира и подумать не смела, что он согласится! В любом случае она бы дала опровержение из-за Келлера. Но Джек... Какой он добрый! Мира вытиралась полотенцем и думала: часть нее хотела услышать отказ, чтобы не было соблазна пойти дальше, чтобы со спокойной совестью – «Я пыталась» – уехать в Берлин. Но Джек согласился. И Мира, укладывая мокрые волосы, представила десяток сценариев, по которым будет развиваться завтрашний вечер. Все сценарии страстные, головокружительные.

Спать после такой новости не хотелось. Эльмира предложила Саре и Грете сходить в клуб: те с радостью согласились. Франк поддержал их идею развеяться – интервью завтра назначено на четыре часа дня. Он, как заботливый отец, дал денег на развлечения и попросил много не пить.

Мира всегда собиралась быстрее подруг: надевала первые выпавшие из шкафа вещи, например сегодня джинсовые шорты и черную худи. Белый парик дополнила черной шапкой, а обулась в высокие кеды на шнуровке; в левый поло-

жила нож. Тристан был далеко, а *Triste*¹⁷ – всегда рядом. Пока Сара и Грета прихорашивались, Мира успела нарисовать стрелки.

Певица и танцовщицы выбрали идти до клуба пешком. Белладонна шагала впереди и снимала видео.

– Ребята, мы в Эл-лей! – кричала она, не стесняясь прохожих. – Смотрите, здесь круто! – Мира покрутилась, снимая вечерний Лос-Анджелес, и чуть не стукнула телефоном Грете. – Мы покорим Америку! Напишите, как вам концерт? Я вас люблю!

Грета хихикнула, увернувшись от телефона, обогнала Миру и помахала в камеру. Ее силуэт в ярко-сиреневом сарафане и курточке с искусственным мехом мелькнул рядом с фонарным столбом. Грета убежала вперед, с любопытством разглядывая город: пальмы, неоновые вывески, стильно одетых прохожих. Грета выросла в маленькой деревне, поэтому каждый город приводил танцовщицу в восторг, а Мира испытывала искреннюю радость, осознавая, что помогает Грете увидеть мир. Правда, не призналась бы в этом даже под дулом пистолета.

Сара и телохранитель Кит шли позади, мило беседуя. Спать с телохранителями – хобби Сары. Кто-то привозит из поездок магниты, а Сара – очередную интрижку. Мира же безговала спать с прислугой.

¹⁷ Один из вариантов происхождения имени Тристан от *Triste* – печальный (*фр.*).

– Ну где к-л-у-у-у-б, – заныла Сара, только чтобы Кит полез в телефон и сказал: они близко. Эльмира отлично знала все «крючки», на которые подруга цепляла жертв.

– А я бы погуляла, – вставила Грета.

Мира закончила снимать видео и огляделась. На другой стороне улицы, у маленького кинотеатра, стояла светловолосая девушка лет пятнадцати в потертых джинсах и мужской футболке. С гитарой наперевес она пела I'm Yours¹⁸, и ее пение собрало небольшую толпу. Эльмира остановилась, а в следующую секунду побежала через улицу под изумленный крик телохранителя: «Мисс, вы куда?!»

Она дослушала песню вместе с толпой зевак. Последний удар по струнам – зрители захлопали, пара человек кинули в чехол от гитары монеты. Тут подоспели Кит, Сара и Грета, но Мира не обратила на них внимания. Она подошла к уличной артистке и перед тем, как кинуть в чехол три купюры по сто долларов, выданных Франком на развлечения, написала маркером на одной номер телефона. Зрители и артистка изумленно уставились на Миру: среди мелочи и десятидолларовых купюр три сотни явно выделялись.

– Спасибо, – дрожащим от слез голосом сказала девушка.

– Это номер моего ассистента, ты талантлива, позвони ему, – без эмоций ответила Мира и направилась по прежнему маршруту, игнорируя любопытные взгляды.

Когда компания вернулась на другую сторону улицы, Ми-

¹⁸ Jason Mraz – I'm Yours.

ра слышала изумленный шепот Кита. Телохранитель обратился к Саре:

– Что происходит?

– Белладонна помогает начинающим артистам, если считает их талантливыми. Франк ругается, потому что она раздает номер Вима направо и налево, но Белладонне плевать. Иногда попадаются самородки. Франк передает артистов дальше – в лейбл. Кажется, двое начали карьеру.

Кит чуть помолчал, а потом выдал:

– Благородно.

– Да, – кивнула Сара. – У Миры доброе сердце.

Мира собиралась возразить. Она остановилась, но передумала и зашагала дальше, подхватив Грету под руку и громко крича песню I'm Yours. Хороших дел в ее случае все равно недостаточно, чтобы очистить карму и получить прощение для темной души.

На втором этаже клуба Белладонне предоставили отдельную VIP-кабину. Мягкие диваны, личный официант, плотный малиновый полог. Сара и Грета схватили меню и перечислили парню в униформе половину барной карты. «Ал-

кашки», – нежно подумала про подруг Мира. Она пить не планировала – хватило выходки после концерта – и вновь подумала о Джеке. В голову пришла безумная мысль: «Вдруг удача опять на моей стороне и здесь я встречу Джека?» Подумав об этом, Мира подошла к перилам и осмотрела первый этаж. Биты вибрировали, посылая приятные волны по телу. Музыка пьянила сильнее алкоголя. Прищурившись, Мира рассматривала стильно одетых людей на танцполе, посетителей у барной стойки: никого похожего на Джека. Вероятно, он больше не ходит в подобные заведения. Или... Она бросила взгляд на соседние ВИП-кабины.

– Я прогуляюсь.

Телохранитель сорвался с места и отправился за Белладонной, действуя, как тень. Мира привыкла к присутствию охраны и не обратила на мужчину внимания. Но Сара расстроилась:

– Возвращайтесь быстрее! – Она послала Киту воздушный поцелуй.

Мира закатила глаза. «Идите в туалет и перепихнитесь!» – подумала она, а вслух сказала нейтральное:

– Можешь остаться. Со мной ничего не случится.

Кит поколебался, сверкнул голубыми глазами и пошел за ней. Значит, работа ему важнее интрижек, и Мира стала уважать громилу чуть больше.

Вновь забыв о присутствии телохранителя, Белладонна бесцеремонно врывалась в другие ВИП-кабинки: в одной це-

ловалась парочка, в другой отдыхали важные шишки, на вид бизнесмены. Ни следа Джека.

«Ничего, я увижу его завтра», – успокоила себя Мира. Она решила потанцевать и подцепить высокого брюнета, которого заприметила, изучая первый этаж. Посмотрела на Кита, он поглядывал на их ВИП-кабину, наверняка думая о Саре. Мира усмехнулась и, словно школьница, сбегаящая от строгих родителей, сказала:

– Я в туалет. Ты же не собираешься идти со мной? – Кит замялся, неопределенно пожимая плечами, а Эльмира, округлив глаза, добавила: – Тогда я решу, что ты извращенец! Вернись лучше к моим подругам и помешай им напиться до отключки. Я скоро.

Ее не интересовал ответ. Она пошла в сторону туалетов, но на полпути развернулась и спустилась по лестнице. На первом этаже Мира сразу затерялась в водовороте счастливых лиц и мокрых тел. Пробираясь к барной стойке, она отшивала пьяных ловеласов и пританцовывала, не в силах сопротивляться заводной музыке. Достигнув цели, будто случайно упала на брюнета в кожаной куртке и воскликнула:

– Ой! Прости.

Тот обернулся, и Мира довольно улыбнулась.

Незнакомец улыбнулся в ответ:

– Заказать тебе выпить?

Он определенно ее типаж. Высокий, худой, голубоглазый. У него острые черты лица и ямочка на левой щеке, длин-

ные пальцы, пирсинг в брови. Такие парни вызывали у Миры сексуальное желание, и они разительно отличались от Джека Льюиса. Джек – близкое сердцу. Его невозможно не любить. Он навсегда под кожей, как чернила татуировок. То ли спасение, то ли проклятие. Мира хотела Джека вовсе не за внешность.

– Можно и выпить, – кокетливо ответила Эльмира. Брюнет, к счастью, не узнал в ней звезду. – Или потанцевать. – После этих слов она опять будто случайно прижалась к парню, чувствуя грудью его торс, а животом – выпуклость на узких джинсах.

Но когда брюнет наклонился и поцеловал Миру, ее словно ударило током. «Завтра я увижу Джека!» – мысль возбудила сильнее красивого парня. Сексуальное напряжение узлом тянуло низ живота, но поцелуи незнакомца не провоцировали ни один лишний удар ее сердца. В отличие от вчерашней перепалки с Джеком. Вот тогда... тогда! Сердце Миры летело на чертовой колеснице прямоком в преисподнюю, едва не разрывая грудную клетку. «Что будет, когда мы останемся наедине?» Она столько раз мечтала об этом. И мечты станут явью.

– Идем ко мне? – Сквозь музыку голос незнакомца звучал галлюцинацией. Брюнет поиграл бровями. – Детка, я тут живу недалеко...

– Зачем ты мне? – прямо спросила Мира, и парень вмиг перестал целовать ее шею. «В городе, где есть Джек», – до-

бавила мысленно. – Хорошей ночи. – Она направилась прочь из клуба, позабыв подруг и телохранителя.

Нужно выспаться. Завтра будет лучший в ее жизни день.

После разговора с Белладонной настроение Джека вернулось к напряженно-нервному. Чтобы не думать о предстоящем кошмаре, он предложил детям поиграть. Мальчики радостно закричали и организовали на ковре в гостиной «Уно»¹⁹.

Они играли, спорили, пили из бокалов яблочный сок, много смеялись.

Элизабет крепко сжала руку Джека и тепло улыбнулась.

– Не волнуйся. – Она всегда хорошо чувствовала его состояние. – Мы справимся. Я с тобой.

– Я люблю тебя, Лиззи, – отозвался Джек.

– Фу-у-у, – скривился Джонни и кинул в отца игровую карточку.

– Ах так? – Джек схватил сына за плечи и принялся обнимать.

– Не-е-е-т, – заверещал тот, отворачиваясь, – б-е-е-е, неж-

¹⁹ Карточная игра.

ности!

– Вот тебе нежности, сынок: я тебя люблю.

– И я! – подхватила Элизабет, обнимая сына с другой стороны.

– Люблю, люблю, люблю, – подхватил Питер и захлопал в ладоши.

Джек одной рукой обнимал Джонни, а второй притянул младшего сына и, глядя на жену, впервые за два дня свободно вздохнул.

Нужно выспаться. Завтра предстоит тяжелый день.

Глава 5

*Знаю, я танцую с дьяволом,
И никаких шансов попасть в рай.*

© *Marina Kaye, Dancing With The Devil*

– Ребята, мы в Эл-лей! Смотрите, здесь круто...

– Джонни, что там у тебя?

– Мы покорим Америку! Напишите, как вам вчерашний концерт?

– Джонни!

– Смотрю истории Белладонны, пап.

– Не за столом, пожалуйста, – миролюбиво попросила Лиз.

– Мы завтракаем! – Джек повысил голос. – Убери телефон!

– Ого, – сын не слушал, – вот это клуб! Хотел бы я там побывать...

Джек, сдаваясь на милость любопытству, заглянул в телефон сына. На экране сверкали вспышки от клубных прожекторов, а из динамиков гремела электронная музыка. Джек рассмотрел светлые волосы Белладонны. Певица облокотилась на барную стойку и болтала с высоким брюнетом.

– Это ее парень? – спросил Джек и усмехнулся: у парень-

ка стальные нервы. — Подходит ей... по возрасту, — добавил Льюис, хлебнув кофе.

— Вряд ли он ее парень. — Джонни отложил телефон и принялся за овсянку. — Белладонну часто видят с разными чуваками. Фанаты потом выкладывают такие видео.

Внутри Джека что-то дрогнуло. Не ревностно, нет. Он обрадовался, что растит сыновей: те могут за себя постоять. А девочка... ходит по клубам, напивается, общается с незнакомцами. От подобных мыслей стало дурно.

Белладонна, несмотря на собеседника рядом, выглядела одинокой и уязвимой. Дерзкая звездочка вмиг перестала нервировать Джека. Ему стало ее жаль: наверняка подобно многим артистам она рано получила доступ к взрослым удовольствиям. Куда смотрят ее родители? Почему позволяют подобное? Конечно, Белладонна совершеннолетняя, но...

— Как ее родители относятся к такому отдыху? — спросил Джек.

Джонни выпучил глаза и взглядом возмутился: «Папа, я сто раз тебе рассказывал ее биографию!» Льюис-старший поерзал на стуле:

— Извини, до личной встречи ее жизнь меня мало интересовала.

Джонни неодобрительно качнул головой, на миг пряча лицо за копной кудрявых волос, и сказал две фразы, после которых многие поступки Белладонны обрели смысл, как и ее жажда внимания.

– Она сирота, пап. Выросла в приюте.

После завтрака Лиззи повезла Джонни в школу, а Питера – в детский сад. Джеку из-за телешоу пришлось отменить занятие по боксу, и сейчас он морально готовился к первому за восемь лет интервью. Устав от надоедливового внутреннего голоса – «Откажись и пошли их к черту!» – Джек позвонил Роберту и пересказал разговор с Белладонной.

Агент уточнил:

– Ты же понимаешь, что встреча с певицей наедине – это разводилово и никак не повлияет на решение ее команды дать опровержение? – Пока Льюис думал, почему «разводилово», Томпсон продолжил: – Удивлю тебя, но в проекте «Белладонна» не все решает Белладонна.

Джек, как мальчишка-девственник перед опытным товарищем, придал голосу мнимой уверенности:

– Конечно, знаю. Мне ее жаль, понимаешь? Она сирота. Может, она мечтала посмотреть бокс с отцом...

– М-да, – протянул Роберт. На заднем плане курлыкали голуби. – Ты Санта-Клаус, Джек! Ладно, дело твое. Я умываю руки. Пришлю на почту договор о неразглашении информа-

ции и отсутствии на «благотворительности» камер и звукозаписывающих устройств.

– Разве камеры – плохо? – Льюис почесал затылок. – Они докажут: ничем другим мы не занимались.

– Джек, ты не Санта, ты Пугало из сказки ²⁰. Совсем нет мозгов!

– Тоже смотришь с детьми мультики?

– О да, – простонал Роберт. И пока Джек собирал по гостинной игрушки, агент ответил на вопрос: – Камеры – это вольный пересказ случившегося. Из дружеских объятий можно создать целую историю любви, тебе ли не знать!

– Точно. – Джек сунул солдатиков в ящик. Интересно, что произошло с записью из отеля, когда он приезжал к Белладонне?

– Пусть девчонка подпишет договор. – Роберт сменил тон с делового на обычный. – Какие планы на Рождество? Приедете в Нью-Йорк?

– Постараемся, – рассеянно ответил Джек.

²⁰ Страшила из книги «Удивительный волшебник из страны Оз», Лаймен Фрэнк Баум.

Его прозвали Дэвид Бекхэм в мире бокса. Он был красив, горяч, харизматичен. Из него лепили мачо в плавках для рекламы парфюма; чемпиона на ринге для рекламы спортивного бренда; развязную рок-звезду для обложки диска, ведь он вдруг решил выпустить музыкальный альбом. Джек Льюис был кем угодно, но только не собой. И когда ему надоело играть по правилам, прикидываясь «плохим парнем», когда он встретил Элизабет и понял, что карьера не повод выбирать одинокую старость, ему указали на дверь. Вернее, ему пришлось выбить дверь и убежать. Иначе бы спился.

А на пике карьеры Джеку нравилось внимание. Он шутил с журналистами, флиртовал с поклонницами. Очаровывал всех кривоватой улыбкой и хитрым прищуром зеленых глаз. Джек понимал: едва ли публику интересовали его успехи на ринге, а натертый маслом пресс – да. Но одно дело – это посетить телешоу в качестве победителя, а совсем другое – вернуться спустя годы затишья и оправдываться непонятно за что.

Джек придирчиво оценил отражение в зеркале. Лампы в прихожей придавали серому цвету его пиджака серебряный оттенок. Джек, словно девица перед свиданием, долго не мог выбрать, что надеть. И Лиззи не помогла: уехала на встречу с акционерами экобренда. В итоге он решил надеть костюм: строго, официально, презентабельно. Мужчина в пиджаке и брюках не может крутить роман с певичкой.

Мира осмотрела платья на длинном ряду вешалок. Наряды предоставили именитые европейские дизайнеры, выскочки-модельеры, зачастую дети богатых родителей, и парочка американских кутюрье.

– Черное будет прекрасно смотреться. – Женщина в строгом костюме больше напоминала учительницу, чем стилиста телешоу.

– Согласен, – кивнул Франк, будто гуру моды. Ему-то, в джинсах на два размера больше и цветных рубашках, можно и помолчать! – Что скажешь, Мира? – Штольц развалился на диване и выжидающе глядел на подопечную.

Стилист тоже уставилась на Миру, присев на край столика. В примерке от непрошенных советов накалился воздух.

– Опять черное. – Мира закатила глаза. Ее пальцы скользнули по необычному цвету шелкового платья: в тусклом освещении оно казалось бледно-бежевым, но стоило приподнять ткань к лампам, платье заискрилось, словно сшитое из мелких снежинок. – Это, – решила певица.

Белладонне нравилось выбирать наряды, и сценический образ рок-дивы был ей близок. Но сегодня хотелось нежного платья. Очевидно, дело в предпочтениях Джека: блондинка

Элизабет Льюис носила кежуал ²¹. Прийти на выступление в джинсах и кардигане Белладонна не могла (и не хотела), но сменить привычные корсеты, мини-юбки и высокие сапоги оказалось заманчиво. Эксперименты – часть ее работы!

Стилист сняла с вешалки выбранное Мирой платье: то оказалось чуть выше колен, с вырезом-капелькой на груди и воротником-стойкой.

– Давай японочкой будешь в другой музыкальной эре, – миролюбиво посоветовал Франк. Он почесал переносицу и воскликнул: – А сейчас ты должна плевать от такого халатика! – Франк обратился к стилисту: – У вас есть что-нибудь с шипами? С цепями? Из кожи?

– Я поищу. – Загремели, ударяясь, вешалки.

– Не японкой, а китайкой, это платье ципао ²², – холодно поправила Эльмира. В маленьком помещении будто стало теснее. Франк и Мира сцепились взглядами. Через пару минут менеджер едва заметно кивнул, а Мира сказала стилисту: – Я выбрала. Сделайте мне прическу.

Сегодня все должно быть идеально.

²¹ Стиль одежды для повседневного использования, главные черты – это удобство и практичность.

²² Распространенное в Китае длинное женское платье. Современная версия создана модельерами Шанхая в 1920-х.

Из зеркала на Белладонну смотрела роскошная девушка: если обычно певицу хотелось пригласить на рок-концерт, то в таком образе парни-поклонники повели бы ее в ресторан. Стилист прикрепила к белому парикку Миры накладную челку-шторку, и две густые пряди расходились вдоль лица; остальные волосы, уложенные волнами, развевались за спиной, а локоны на затылке держала золотая шпилька. Платье подшили, и оно идеально подчеркивало изгибы стройного тела. На запястьях, гармонируя с татуировками, сверкали золотые браслеты.

– Выглядишь интересно. – Франк взъерошил в нервном жесте свои волосы и с усмешкой добавил: – Для официантки из суши-бара.

Мире захотелось кинуть в менеджера чем-нибудь тяжелым. Обычно она не реагировала на подколы, но сегодня и так сомневалась в себе: действительно ли она хорошо выглядит? Понравится ли Джеку?

– Нин Гуан, – услышала Мира тихий мужской голос.

Вперед шагнул Вим. Менеджер и певица удивленно уставились на ассистента. Мира, наверное, впервые услышала голос длинноволосого немца. Совсем забыла, что он тоже в

примерке. Высокий, худой, бледный, словно призрак. И голос робкий, будто каждое сказанное слово причиняет Виму боль; обычно ассистент только кивал в ответ на очередное поручение.

– Что ты сказал? – переспросил Франк.

– Нин Гуан – героиня игры Genshin Impact ²³. Она... красивая, – пояснил Вим. – И вы, фрау, очень красивая.

Мира перевела взгляд с ассистента на озадаченного менеджера и громко засмеялась – у нее появился союзник!

– Спасибо, Вим. Видишь, Франк, моим фанатам нравится! – пошутила она, давая понять, что спор окончен.

Вим слегка поклонился, словно герой романов Джейн Остин, но Мира не отреагировала. Вим, как и прежде, стал для нее невидимкой.

Перед интервью Белладонну пригласили выступить с песней «Бандит»: сделали яркий макияж и позвали неизменных танцовщиц.

– Ты похожа на принцессу! – сказала Грета.

²³ Компьютерная игра в жанре action-adventure с открытым миром и элементами RPG, разработанная китайской компанией miHoYo (HoYoverse).

– На королеву! – вторила Сара.

Их одели в похожие платья, а волосы убрали в тугие пучки. Теперь троица напоминала азиатскую музыкальную группу.

Комплименты подняли Эльмире настроение, и она предвкушала встречу с Джеком. А мысли о предстоящей совместной ночи и вовсе разгорячили ее кровь, будто до состояния лавы.

Белладонна шагнула на сцену, Сара и Грета двинулись следом. Все трое держали наполненные водой пистолеты. Типичный номер с «Бандитом». Но когда начался куплет, рука Миры опустилась, словно водяной пистолет наполнился железом, и она уронила реквизит. Звук удара о пол заглушили гитарные риффы. Белладонна не хотела исполнять «привычное выступление». Она мечтала повторить последнее, с Джеком. Выкрикивая слова песни, она искала его среди зрителей. Первый ряд. Второй. Третий. Его нет. Мира метнула взгляд в сторону студии: на бирюзовых диванчиках сидела только блондинка с замысловатой прической – ведущая Кортни Смит.

– «О-о-о... мой Бандит...» – Джек не пришел? – «Почему ты меня разлюбил?» – Он обещал! Обещал!

– Мира, ты не попадаешь в ноты, – шепнула ей на ухо Сара, стреляя из водяного пистолета. – Соберись!

Белладонна встрепенулась и, подпитываясь агрессивной мелодией, прогнала разочарование. Всегда между «расстра-

иваться» или «злиться» она выбирала второе. «Козел! Посмел играть со мной?» Ноты вновь стали чистыми, голос уверенным, движения соблазнительными. «Только попробуй вновь меня разочаровать, Джек Льюис...»

Она увидела его в конце песни, когда кружилась под припев. Джек стоял за кулисами, красивый, словно приехал на фотосессию. Эльмира не поняла, понравилось ли ему выступление. Он хмурился, но это его привычное состояние.

Главное, что он пришел.

– Это была Белладонна с хитом «Бандит»! – воскликнула Кортни. Ее писклявый голос ужасно раздражал Миру, и певица не могла понять, как жертва пластики смогла стать лицом телешоу. Кортни продолжила: – Перерыв на рекламу, а потом, – дурочке-телеведущей место в школьной театральной студии, – вас ждет интервью с Белладонной и Джеком Льюисом! Да-да, он здесь! Не переключайте, мы вернемся...

Мира не дослушала. За сценой она попрощалась с подругами и оглядела коридор. Джек ушел. Словно король карточной колоды: неизвестно, разыгран он в партии или собирается неожиданно сделать ход. Интригует. Но Мира не собиралась быть послушной королевой. Пусть эта роль достанется его жене. Эльмира Кассиль – туз, не иначе.

Из гримерки вышел Франк.

– Выступила так себе. – Он протянул Мире бутылку с водой.

– Ты, как обычно, вежлив, – ответила, забирая бутылку.

Мира понимала: одержимость мешает работе, а это непозволительно. Значит, необходимо добиться желаемого – заполучить Джека – и вернуться с триумфом в Берлин. Тогда, возможно, помешательство пройдет.

Персонал бегал по коридору, а менеджер и певица стояли в углу. Франк наблюдал, как Мира пьет из бутылки и смотрит вдаль. Наверняка он пытался понять, отчего его звездочка впервые за карьеру запорола выступление, а Мира старалась вернуть самообладание, чтобы он ни о чем не догадался.

Франк не выдержал:

– Что с тобой? Наряд повлиял на голос?

– Тупость повлияла на... – Мира не успела закончить фразу: Штольц обернулся, будто спиной почувствовал свидетеля их перепалки.

Эльмира хотела заглянуть за плечо менеджеру и послать подальше очевидца, но Франк окликнул того раньше:

– Льюис! Здравствуйте! – Штольц загородил Миру, и она облегченно выдохнула, что не вязалось с ее пульсом, резко ускорившим ритм. Мира одновременно хотела и боялась вновь столкнуться с Джеком.

– Здравствуйте. А вы кто? Ассистент? Или...

Франк засмеялся, поставив Джека в неловкое положение.

– Я крестный отец дьяволицы современного рок-н-ролла! – скромно представился менеджер. – Франк Штольц. А вот, кстати, и Белладонна.

Стало бесполезно прятаться, Мира сделала шаг вбок и

вдоволь рассмотрела Льюиса. Одет официально, но непарфосно. Серый пиджак и брюки, а прическа под стать образу аккуратно уложена: длинные пряди зачесаны назад, лишь одна выбилась.

Со смелостью Белладонны она взглянула Джеку в глаза. Зеленые, они казались почти карими в тусклом освещении коридора. Улыбнулась – с трепетом девочки-Миры.

Джек перевел взгляд на Эльмиру, и все внутри нее свернулось в тугой узел. Горло пересохло. Воздух закончился. Он смотрел *на нее*.

– Хорошее выступление, – сдержанно, без приветствий.

Мира почувствовала на кончике языка привкус разочарования. словно горькая пилюля, оно растеклось по горлу, спускаясь к сердцу. Холодком. «Хорошее выступление?! Это все, что он скажет?!» Джек не оценил ее необычный образ. Он не потерял голову, как Мира того ожидала.

На его загорелом лице она заметила тень насмешки. И не смогла не сострить. Слова сами соскользнули с языка ядовитыми каплями:

– На сольном концерте я выступила лучше.

Джек изменился в лице. Он явно понял, о каком моменте сольного концерта идет речь. Темные брови Льюиса соединились на переносице.

Мира забыла, что между ними стоял Франк. А тот вдруг подал голос:

– Надеюсь, вас проинформировали, как должно пройти

интервью.

Франк смотрел на Джека с неприязнью. Наверняка не понимал: кто добровольно отказывается от популярности?! И также в маленьких глазках сверкнула угроза. Ох, Франк готов защищать свою малышку Белладонну! Даже представить не может, что от малышки нужно защищать окружающих.

– Да, я в курсе.

– Отлично, мистер Льюис! – с переизбытком энтузиазма ответил Франк. Он обратился к Мире: – Выход через пятнадцать минут, моя кошечка, – и зашагал по коридору в сторону кафетерия.

Мира нервно затеребила челку. «Вот идиот, какая я ему кошечка?» В обществе других людей поведение Франка ее не смущало, но рядом с Джеком неловкость и без того дошла до критической отметки. Мира и Джек остались в коридоре наедине. Раньше она мечтала хотя бы постоять с ним рядом, но теперь не знала, что делать. В итоге Мира отвернулась и толкнула ладонью дверь гримерки – та не поддавалась. Попробовала еще раз. «Черт! Что такое?!»

За спиной послышался сдавленный кашель. Мира ощутила рядом тепло руки. Его руки. Мужские пальцы надавили на ручку, и дверь распахнулась. Секунду Мира стояла, наслаждаясь близостью.

– Вот так. – Голос Джека похож на шелест листьев. – Надо сначала опустить ручку, потом – толкнуть дверь. В Германии, наверное, все иначе.

Мира проигнорировала комментарий и зашла в гримерку. Хотелось рассмеяться: она мечтала о встрече с Джеком, а в ответственный момент повела себя как идиотка.

Хлопнула дверь. Пятнадцать минут передышки, и полчаса общения в студии. «Выдержу ли?..» Мира захотела упасть на диван и задрожать: в экстазе? в истерике? Размазать макияж, испортить прическу. Франк прав: она выглядит нелепо, как участница косплей-фестиваля. Глаза защипало. Она расплачется. И откажется выходить. К черту.

Застыв посреди комнаты, Мира до сих пор чувствовала мятный гель для душа и неповторимый запах Джека Льюиса, его собственный. И она вдыхала ненасытно, до головокружения...

– Без выходов, пожалуйста. – Голос с южным акцентом разрушил тишину и остатки рассудка Эльмиры Кассиль.

Джек не ушел?! Он в гримерке?!

Обернувшись, Мира вопросительно уставилась на него. Джек стоял на пороге, сложив руки на широкой груди, будто готовился к поединку. Взглядом говорил сдаться без боя. Привык выигрывать. «Самонадеянно».

– Мы договорились, – добавил Льюис.

И стоило огромных усилий из девочки-Миры стать привычной Белладонной. Она не растечется лужицей. Не позволит узнать, как ей ценны его холодные фразы, пронизывающие как кинжалы.

Белладонна улыбнулась и с издевкой спросила:

– Вам не кажется, что общаться наедине в гримерке похоже на выходку? – Только бы он не заметил, как дрожат ее пальцы.

Джек фыркнул, всем видом показывая: я сказал, что хотел, – и покинул гримерку. Плакать Мире больше не хотелось.

Джек долго сидел в машине, сжимая руль. Костяшки побелели, мышцы свело. Джек медленно разжал пальцы и провел рукой по лицу. На пустой парковке он слушал гудение мотора, а насмешливый голос Белладонны в его голове повторял: *«Вам не кажется, что общаться наедине в гримерке похоже на выходку?»* Надо же такое сказать! И к образу подростка он привык, а певица разоделась сегодня... утонченная, женственная, взрослая! Заготовленная фраза «Посмотрите, она же девчонка, между нами и быть ничего не может!» разбилась о новый образ Белладонны. Мужчина в костюме, женщина в красивом платье – идеально на первую полосу газет!

Льюис глянул на часы: до прямого эфира семь минут. Посмотрел в зеркало заднего вида. Покрасневшие и усталые

глаза просили о честности.

Разве мог Джек вернуться к публичности только из-за шантажа? Хватит врать: он скучал по вниманию. Осторожно, по чуть-чуть пробуя давно забытое ощущение. Вот девушка-визажист попросила совместное фото, а оператор подошел, чтобы вспомнить бой Льюис – Гарнер. Жизнь затворника лишила Джека Льюиса заслуженного почитания, и он вспоминал о былых временах плохое. Но было и хорошее...

«Посмотрим, что из этого выйдет. Посмотрим!» – повторял он, поднимаясь по лестнице на нужный этаж.

– Эфир через пять... четыре... – Джек влетел за кулисы студии, чуть не врезавшись в ассистента. – ...три... Стойте, вас позовут!

– Я не опоздал?

– Нет. – Парень продолжил отсчет: – ...Два... один... начали!

Кортни Смит наигранно улыбнулась и обратилась к Белладонне:

– Приветствуем тебя в Америке и в нашей маленькой студии!

– А мне говорили, ваша студия – самая роскошная на американском ТВ, – со скукой в голосе усмехнулась певица, вызвав в зрительном зале взрыв хохота, а на лице Кортни плохо скрываемое удивление.

Джек хмыкнул: веселое начало, возможно, он не зря приехал.

– Что ж... В самом деле! – Кортни выпрямила спину. Наигранность телеведущей контрастировала с расслабленностью немецкой звезды: та утонула в мягком диване, положив ногу на ногу. Кортни поспрашивала Белладонну о музыке, о впечатлениях от Лос-Анджелеса, о других хобби и громко объявила: – Сейчас мы пригласим специального гостя! Он согласился дать эксклюзивное интервью нашему телешоу, а значит, эти двое расскажут, что произошло на концерте! Встречайте – Джек Льюис!

– Идите, – подсказал ассистент.

Едва передвигая ноги, Джек вышел на сцену и сел на край дивана, подальше от Белладонны. Он не видел, только слышал, как за его спиной на экране показывали снятый поклонниками танец под песню «Бандит», и это видео вызвало у Джека покалывание в затылке. Он улыбался, как полный идиот, изредка бросая взгляды на невозмутимую Белладонну.

Кортни кратко рассказала о произошедшем и обратилась к певице:

– Песня «Бандит» о взрослом и опасном мужчине...

– Разумеется, он же бандит, – саркастично заметила Белладонна.

Тонкие брови ведущей взлетели вверх. Вряд ли кто-то прежде осмеливался перебивать хозяйку студии. Задача гостей – улыбаться и с радостью отвечать на идиотские вопросы. Но немка не собиралась играть по правилам «американ-

ского дружелюбия».

Джек чуть не рассмеялся. Так держать!

– Что вдохновило тебя на песню? – Телеведущая мигом вернула лицо. Кортни чуть подалась вперед, дотронулась длинными ногтями до светлых локонов, всем видом показывая, что она и только она здесь хозяйка. – Дело в том, Белладонна, что у тебя не было отца? Восхищение взрослыми мужчинами – это комплексы?

Слова прозвучали пощечиной, оглушая зал неловкой тишиной. Журналисты те еще стервятники. Клевали Джека, теперь – Белладонну.

Джек повернул голову, чтобы посмотреть на реакцию. Надеаясь, Белладонна не заметит, как бесцеремонно он пялится. Льюис знал, что на нее смотрит весь зал и тысячи зрителей по ту сторону экрана. *Дрогнули ли ее пухлые губы? Заблестели ли от слез серые глаза?* Джек знал, что чувствует несчастная девчонка: бестактным вопросом ее будто раздели у всех на виду. Несмотря на любопытство, Джек не хотел, чтобы она поняла: он, как и остальные, остановился поглядеть на аварию – тележурналисты называли аварией опасные ситуации в прямом эфире, когда стоило бы отвести взгляд, сменить тему, но нет, смотришь, слушаешь. И наслаждаешься.

Лицо Белладонны, и без того бледное, слилось с белым цветом волос. Но глаза ничего не выражали, будто остекленели. Сцепив тоненькие пальчики замком, певица молчала,

спокойно глядя на телеведущую.

Что Белладонна испытывала – злость? стыд? Джек задумался: а что испытывал бы он? О, злость – не подходящее слово. Ярость. Ненависть. Желание убить. Джек бы не стал отвечать, он даже не стал бы сидеть здесь.

А Белладонна чуть улыбнулась, словно поняла истинный смысл колкости в ее адрес – вывести на эмоции, найти очередной повод для скандального заголовка, – и ровным голосом ответила:

– Да, я сирота. Но воспитана лучше вас.

Джек готов был вскочить и аплодировать. Он бы не смог сохранить самообладание, он бы выставил себя идиотом на многотысячную аудиторию – то, чего добивалась Кортни.

Но идиоткой оказалась ведущая.

– Гм, – она заерзала на кресле, – вернемся к номеру на концерте. Это спланировано?

Джек не мог отделаться от мысли, что Кортни имела в виду и его, мол, они оба спланировали шокировать публику. Какой смысл оправдываться? Уже есть правда, которая всех – кроме него – устраивает.

Белладонна дала обещанное опровержение:

– Нет, не спланировано. – Если в начале диалога певица казалась кроликом перед удавом-телеведущей, то теперь, напротив, задавала беседе тон. Серые глаза горели, словно предупреждали: подумай дважды, прежде чем задать очередной вопрос. – Я придумала номер, когда увидела Джека Льюи-

са в ВИП-зоне, – спокойно объясняла немка. – Внешность мистера Льюиса идеально подходит к образу в моей голове. Позже я узнала, что он боксер. И был весьма горяч в лучшие годы!

Джек мысленно выругался. Он надеялся, больше проблем Белладонна не принесет, но как же он ошибался. Внимание публики и телеведущей мигом переключилось на Джека. Воодушевленная «новой жертвой», Кортни начала рассказывать зрителям, как Джек был хорош, пока не бросил карьеру. Слащавые восхваления его прессом и наградами сопровождались фотокарточками на большом экране. Джек кивал, когда от него требовали ответа, и не мог отвести глаз от фотографий – неужели это он? Что с ним теперь? И действительно ли он рад, что оставил все в прошлом?

– Главный вопрос... – Кортни помолчала, словно спрашивая у немецкой дивы разрешения. Быстро певица выдресировала стерву! Когда Белладонна кивнула, телеведущая спросила: – Что между вами? Не будем отрицать химию во время выступления. Но стоит ли за этим что-то большее? Между вам пробежала искра?

Джек поперхнулся воздухом, до боли в пальцах сжал ладони в кулаки и прокашлялся. Очередная провокация! И Белладонна наверняка выдаст какой-нибудь фокус!

Белладонна же не изменилась в лице. Она замолчала, создавая интригу и убивая каждой секундой тишины нервные клетки Джека, а потом сказала:

– Пусть Джек Льюис скажет.

Все взгляды направились на Джека, который молчал от вопиющей наглости. Что он мог сказать? Разве есть варианты?!

– Между нами ничего нет. – Сухо и официально. Так, чтобы точно никто не искал в его словах скрытый смысл и намеки.

– Что ж... – протянула Кортни. – Конец истории?

– Не было никакой истории, – перебил ее Джек.

– Ага, – с усмешкой кивнула Белладонна, флиртующим жестом поправив волосы, – именно так. Никакой истории.

Кортни разочарованно вздохнула, зрители в студии ответили ей тем же. Льюиса мучило от предчувствия, что в их головах некая история сложилась.

– Дорогие зрители, у нас в гостях были немецкая певица Белладонна и Джек Льюис – бывший боксер, музыкант, модель. Как они сами сказали, никакой истории. А у нас с вами остается горячее видео танца и надежды, что Белладонна вновь посетит Америку и нашу студию! С вами была Кортни Смит, ведущая телепередачи «В гостях у Кортни».

Закончив скороговорку, она дождалась, когда камеры выключат, и мигом изменилась в лице:

– Ты остра на язык, Эльмира Кассиль.

– Благодарю, – ответила Белладонна, поднимаясь с дивана.

– Это не комплимент, девочка.

– Благодарю, – повторила Эльмира и повернулась к Дже-

ку. – Сегодня в десять, верно? Буду ждать.

Кортни позеленела от любопытства. Что имела в виду Белладонна? Кортни точно не узнает. Никакого эксклюзива. Зато простор для фантазии: телеведущая могла пустить сплетню – горячую сплетню, но не более. Людям нужны доказательства, чтобы желтая пресса выглядела интересно.

Джек усмехнулся, вновь восхищенный тем, как Белладонна позлила стервозную ведущую. Он загадочно кивнул и подыграл:

– Конечно, я приду вовремя. Какое вино ты пьешь?

Глава 6

*Слышишь сирены в воздухе?
Все знаки-предупреждения были там.
Когда я чувствую твоё прикосновение,
Оно обжигает мне кожу.*

© Marina Kaye, *Dancing With The Devil*

Во время интервью Мира часто смотрела на Джека: он сидел рядом, сцепив руки в замок. Одет с иголки, харизматичен и... другой. Казалось, в привычных для Эльмиры условиях (до недавнего времени она видела Льюиса только по телевизору) «экранный Джек» раззадорит ее подростковые фантазии. Но боксер не шутил на грани флирта, не торопился поддержать беседу, а его взгляд колющий, как терновник. Джеку здесь явно неуютно. Тогда Мира задумалась: «А стоит ли он того, чтобы прикладывать столько усилий?» Мира боялась разочароваться. Собралась на попятную. Но когда Кортни Смит в очередной раз показала свою глупость и Белладонна поддразнила телеведущую, Джек пошутил про вино. В его глазах сверкнули озорные огоньки, а Мира облегченно выдохнула. Он по-прежнему тот Джек, которого она полюбила.

Час спустя певица и танцовщицы ужинали в номере. Эльмира сидела на кровати среди мягких подушек, а Сара и Гре-

та расположились на полу. Мира взглянула на часы: стрелки показывали восемь вечера. Два часа – и мечта сбудется.

– Мы пойдем в ночной клуб, ты с нами?

– Что за клуб? – из вежливости спросила Мира, накрутив на палец прядь темных волос. Мысли витали далеко от местных развлечений.

– Забавное название! – Грета задумалась и вспомнила: – Cotton Candy! ²⁴

– Сладкая вата? – Мира поморщилась.

Она не сомневалась, что пойти в клуб захотела Сара – именно она задала вопрос, а Белладонну звала главным образом потому, что с ней пойдет телохранитель Кит.

Сара съела кусочек имбиря и рассказала:

– Я слышала, Cotton Candy был дырой! С приват-танцами, дилерами и скандалами – Она говорила с восхищением, будто о Viper Room ²⁵. – Бизнесмен Тревис Макрегори выкупил стрип-бар пару лет назад. Теперь Cotton Candy одно из самых популярных заведений Лос-Анджелеса!

Будь они в другом городе, Мира согласилась бы пойти. Описание ее заинтриговало: в стены Cotton Candy наверняка впиталась энергетика разврата и насилия, сколько бы новый владелец ни пытался очистить репутацию клуба. Здания с

²⁴ Отсылка к другому произведению автора: «Виноградные грезы».

²⁵ Ночной клуб в Сансет Стрип, Уэст-Голливуд, Калифорния. Был открыт в 1993 году, и до 2004 года частью заведения владел актер Джонни Депп. В клубе часто отдыхали знаменитости.

темным прошлым вдохновляли Эльмиру.

– Извините, у меня другие планы.

Сара и Грета улыбнулись, требуя объяснений.

– Виноват красавчик, с которым ты целовалась в клубе? – не выдержала Грета. Она радовалась, несмотря на отказ: романтическая Грета в любой интрижке Белладонны искала начало большого чувства.

– Да, именно он, – согласилась Мира. Удачно, что поклонники сфотографировали ее с парнем. Мира готовила легенду, но теперь могла перейти к сути. – Я хочу провести с ним ночь, но Франк, конечно же, будет возмущаться, поэтому я сняла вам квартиру: можете привести парней или устроить девичник, мне все равно. – Она взмахнула деревянными палочками для еды, будто волшебница, и четко, с паузой после каждого слова подытожила: – Франк должен думать – я с вами.

Менеджер ответственен и заботлив, но порой его забота душила. Родители, чересчур опекая, не пускают подростков на вечеринки, воскликнув: «Тебя накачают наркотиками и изнасилуют!», а Франк говорил: «Тебя накачают наркотиками, изнасилуют и опубликуют это в сети». С одной стороны, Штольц прав, но Мира с детства привыкла сама о себе заботиться, поэтому осознавала риски. Она всегда контролировала ситуацию: ее любовников проверяли телохранители (и отнимали до утра телефоны), даже если Белладонна и ее принц приходили в отель пьяные. Если парня досмотр не

устраивал, Мира без сожалений с ним прощалась – найдет другого. Они были одинаковыми, и наутро она забывала их лица. А Джек... О нем никому не надо знать. Он не сделает с Мирой ничего плохого. Вопрос в том, *что* с ним сделает она.

– Так-так, он особенный? – Сара подползла к Мире, хитро улыбаясь. – Кит пойдет с тобой? – ревниво уточнила подруга.

– Можешь забрать сторожевого песика себе, – усмехнулась певица. Ни Франка, ни тем более телохранителя в свои планы она посвящать не собиралась и легко соврала: – Я знаю этого парня, мы спали в Копенгагене.

– Ла-а-а-адно, – протянула Сара под кивок Греты. – Но завтра мы пойдем в Cotton Candy! Все-таки наша последняя ночь в Эл-Лей!

– Обязательно, – пообещала Мира.

Завтрашний день казался ей размытым пятном: все, что произойдет после встречи, неважно. Пусть вторжение инопланетян начнется, плевать.

Ох, встреча с Джеком... Мира также сняла квартиру, но в другом районе. Платила наличными через Вима. Ассистент не задавал вопросов и не болтал лишнего. Квартиру она выбрала по нескольким причинам: в отеле сложнее сохранить анонимность, а огласка ни ей, ни Льюису ни к чему; но главное, в квартире проще, чем в отеле, воссоздать домашнюю обстановку, которая максимально приблизит ее мечты к ре-

альности.

Музыка из комнаты Джонни стала саундтреком к непростой беседе Джека и Элизабет. После ужина Джек сообщил супруге, что поедет на встречу с Белладонной. Он рассчитывал, что Лиз не будет против. Но жена перестала мыть посуду и повернулась, светлые локоны ударили ее по плечу.

– Так поздно? – изумилась Лиззи. И было в ее изумлении сквозящее напряжение, которое заставило сердце Джека стыдливо дрогнуть.

– У артистов плотный график, – объяснил он. Пока воздух в кухне не стал удушающим, Джек вышел в коридор и принялся зашнуровывать кроссовки. Он считал свой поступок правильным, и недовольство жены коробило. Джек добавил: – Я вернусь через пару часов.

Элизабет не ответила, но он услышал мягкие шаги ее босых пяток – Лиз никогда не носила дома тапочки. Супруга последовала за ним в коридор.

– Ну что? – Джек закончил с обувью и выпрямился. Лиз сверкнула темными глазами, словно дикая кошка. И на Джека нашло озарение. – Ты ревнуешь? – сквозь смех спросил,

не веря в увиденное. – К девчонке?

– Мне это не нравится, – ответила Лиззи и нахмурила тонкие брови: ее жесты напрягали сильнее, чем истерика.

Джек покачал головой и надел на белую футболку кожаную куртку – его обычный образ, никаких изысков и прикрас. Льюис подошел к жене, обнял за плечи, вдохнул цветочный аромат ее духов. На миг подумал: «Может, остаться дома?» Но он дал обещание Белладонне.

– В студии кроме нее будут другие люди, – ровным голосом пояснил Джек, отстранившись. Лиззи пытливо смотрела на мужа, и он добавил: – Мы посмотрим бой, а потом я уеду.

Элизабет вновь промолчала, и Джек решил, что вопрос исчерпан. Его супруга – мудрая женщина. Белладонна, при всей ее харизме, Лиз не равня.

Льюис взял с тумбочки ключи от машины и повернулся к двери. Поднял голову, щурясь от света ламп: на втором этаже, в комнате Джонни, заиграла песня Белладонны. Знал бы мальчик, куда едет его отец...

– Джек! – Голос Лиззи напоминал перелив японских колокольчиков, волнуемых ветром. – Тебе не кажется, что все-таки...

– Знаешь, о чем я вспомнил? – перебил Джек. – Как отец приходил на каждую мою тренировку. На каждую, Лиз. Когда мне было девять и я неумело колотил по груше. Когда мне было двенадцать и я получил первый перелом. А в мои пятнадцать отец кричал громче всех на трибуне, потому что

я выигрывал. Он приходил, а однажды перестал. Он умер, помнишь?

Элизабет молчала.

– Клянусь, я до сих пор оглядываюсь, когда тренируюсь в зале. Я надеюсь, он придет и скажет, что гордится мной.

– Он гордится... – прошептала Элизабет.

– Верно, – успокоился Джек. – И Белладонна, поверь, думает о том же: что бы сказали родители, гордились бы ею, ходили бы на ее выступления. Но у нее нет родителей. Возможно, она не в первый раз прибегает к шантажу, чтобы почувствовать себя важной, нужной...

– Она прыгала у тебя на коленях! – сквозь зубы бросила Элизабет, напомнив о концерте.

– Она понятия не имела, кто я такой и сколько мне лет!

Лиз промолчала. Джек не знал, что добавить. Но почувствовал, как после откровенной беседы и после открытия его мотивов тучи рассеялись.

– Не ревнуй меня, – наконец сказал Джек. – Это совсем не та ситуация. И разве я хоть раз давал повод усомниться во мне? За четырнадцать лет я хоть раз посмотрел на другую женщину?

Элизабет отрицательно покачала головой:

– Твой поступок вызывает уважение. Ты хороший человек, Джек.

Он кивнул, поцеловал супругу и вышел за дверь.

Я должен был бежать.
Я должен был знать,
Что каждое твое платье —
Подобно заряженному пистолету ²⁶.

Джек выехал из пригорода, сверяясь с сообщением, которое прислала Белладонна. Ветер бил в приоткрытое окно, из магнитолы играла песня Depeche Mode. Джек все меньше верил, что едет в студию. Он петлял по жилым районам, заглядывал в окна и слушал голос из навигатора:

– Поверните налево. Теперь направо.

Приглашение певицы смахивало на глупую шутку. Джек представил, как постучит в дверь («345-я квартира, 5-й этаж», – написала Белладонна), а ему откроет старушка и вызовет полицию или за дверью его поджидает бывший заключенный, который вместо вопроса «Кто там?» вмажет Льюису промеж глаз. И завтра он вновь засверкает на первых полосах газет: «Сумасшедший боксер вламывается в чужие квартиры».

Чертыхнувшись, он подавил желание поехать домой: сна-

²⁶ Depeche Mode – Lilian.

чала посмотрит Белладонне в глаза. Он ее из-под земли достанет. Сколько можно играть в дурацкие игры?! А он ее жалел, идиот. Часы на запястье показывали без пятнадцати десять, и Джек заглушил мотор у нужного дома. Обычная многоэтажная постройка, их сотни в городе. В нужной квартире горит свет.

– Вы приехали! – заключил навигатор.

Льюис восторга не испытывал. Озадаченность – да, недовольство – вполне, раздражение – слишком сильно. Джек написал: «*Адрес верный?*» – и вышел на улицу. Поставил автомобиль на сигнализацию и глубоко вздохнул. Вечерний воздух приятно охладил щеки. «*Верный, поднимайтесь;*»), – последовал ответ. Джек фыркнул и быстрым шагом направился к дому.

Пока Льюис шел по коридору, он теребил квадратную пряжку. Захотелось при встрече вырвать ремень из брюк и хорошенько проучить юную занозу... Джек настолько удивился собственным мыслям, что споткнулся на ровном месте. Он никогда не применял к детям подобные методы воспитания. И почему в контексте проскользнуло что-то... порочное? Джек потряс головой – это все ее, Белладонны, влияние: европейские взгляды, которые он, американец-католик, не разделяет. Например, свободные отношения, нагота на людях или... танцы на чужих коленях под видом концертного номера!

Джек застыл перед обычной зеленой дверью, за которой

все еще могла спать истеричная старушка или смотреть телевизор бывший заключенный. Джек сглотнул. Он понимал, что будет разумно вернуться домой и придумать отговорку: живот прихватило, машина сломалась...

Белладонна будто почувствовала его нерешительность, и дверь распахнулась.

Когда Джек увидел, кто ему открыл, то растерял все слова. В коридор, шурясь от света флуоресцентных ламп, вышла незнакомка. Эта милашка с темно-каштановыми косичками и в пижаме с единорогами не могла быть Белладонной! Хмурясь, Джек наблюдал, как девчонка одернула штаны и застенчиво поправила майку. В брюнетке Джек заметил отголоски Белладонны: татуировки на голых руках и морозно-серые глаза. Было и то, что он в ней прежде не замечал. Например, щеки и носик украсили веснушки, а губы без яркой помады казались бледными. Отсутствие косметики придало певице очаровательно-неидеальную красоту.

«Прелесть». Мысль выглядела неуместной, но следующая хуже: он собирается провести вечер в компании юной девушки! Он сошел с ума.

– Добрый вечер, мистер Льюис! – воскликнула Белладонна. Она пропустила гостя в квартиру и забежала следом. – Я рада, что вы пришли!

Ну, она все обращается к нему на «вы», это хороший знак. Джек медленно убрал ладонь с пряжки ремня и оглядел помещение: небольшая квартирка-лофт, гостиная и кухня

смежные.

– Очередная игра? – предположил Льюис. – Почему мы в квартире?

– Боюсь слухов так же, как и вы. – Девчонка суежилась на кухне, то и дело исчезая за массивной столешницей. Белладонна сегодня не похожа на рок-звезду, и у нее ничего общего с девушкой, способной облить кого-то пивом. Это радовало, но и ставило в тупик. – А по поводу моего внешнего вида, – она поправила край майки, тот норовил съехать с плеча, – никаких игр, оставляю сценический образ за порогом. Вы ведь тоже так... делали?

Джек хмыкнул. Ему не хотелось вспоминать, к чему привело его неумение оставлять за порогом боксера и пьяницу.

– Выпьете? – Она покрутила в руках стеклянные бокалы. Белладонна выглядела невинно, будто собиралась впервые ограбить отцовский мини-бар.

– Сколько тебе лет? – вырвалось у Джека. Он по-прежнему стоял у входной двери и был готов в любую минуту дать деру – найти бы повод. С малолеткой он бы точно не остался один на один в квартире.

– Двадцать три, сэр! – Белладонна приложила руку к виску, отдавая честь. Бокалы в ее ладони держались на двух пальцах – и выскользнули. Столкнулись с паркетом. Бум! Осколки украсили пол. – Черт! – Певица выругалась и нагнулась. – Я неловкая, когда волнуюсь...

Льюис поборол ступор и взял со стола полотенце: протя-

нул Белладонне, которая торопливо собирала осколки голыми руками.

– Держи, поранишься. – «И в больницу уедешь», – добавил он мысленно, подавив желание кинуть полотенце куда подальше. – Вставай.

Ему определенно не нравилось, что девчонка ползала на коленях.

– Из-за чего волнуешься? – Чтобы обезопасить собственный рассудок, Джек перевел тему, рассматривая квартиру, в которой объединили гостиную и кухню. Двери наверняка вели в ванную и спальню. Если в ванную Джек, вероятно, заглянет, то о спальне ему незачем думать.

– Как не волноваться?! – Белладонна собрала осколки в полотенце и вытряхнула в мусорное ведро. – Не каждый день смотрю бокс со знаменитостью!

«Неужели только поэтому? – ухмыльнулся Джек. – Что-то она недоговаривает». Но настаивать не стал. Чем быстрее он выполнит идиотское условие, тем скорее Белладонна от него отстанет. Все просто.

– Ну, – Джек сел на потрепанный диван зеленого цвета. – Приступим? Какой бой выбрала? Скачала на флешку?

– Выбор за тобой. – Она кивнула на закрытый ноутбук. «Отлично! И на это время тратить!»

Но вслух ничего не сказал. Пожал плечами, улыбнулся:

– Интернет-то тут есть? – Джек наклонился к столику и открыл ноутбук: на заставке он увидел мультяшную Розо-

вую пантеру. Запустив браузер, Джек задумчиво уставился на строку поиска.

Совсем рядом Льюис услышал голос Белладонны:

– Зря ты от выпивки отказался. Попкорн будешь?

– Попкорн? – не понял Джек. – Зачем?

– Ну... – Певица подошла к дивану, и гостиную окутал кофейно-карамельный аромат. – Кино смотрят с попкорном. – Белладонна помахала перед Джеком пакетом и направилась к микроволновке.

– О да, – вырвалось вместе со смехом, – выбивание чужих зубов очень способствует аппетиту!

Белладонна удивленно посмотрела на Джека. Секунду она неподвижно стояла, а потом расхохоталась, сверкая белыми зубами. Льюис усмехнулся: приятно, когда смеются над шутками, пусть и дурацкими.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.